

МОСКВА Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №8 (1), январь 2012 г. <http://provintelligent.ru>, <http://moscow.provintelligent.ru>
Газета выходит ежемесячно. Контакты для участия и сотрудничества: dzina2011@mail.ru, provint.paschkov@yandex.ru

Презентация в Нью-Йорке

20 ноября в
Клубе поэтов
Нью-Йорка на
Nostrand Ave,
в 5 вечера, со-
стоялись высту-
пления Надежды
Мархасёвой,
Натальи Крофтс
из Австралии и
Бориса Баркана.

Наталья Крофтс презентовала три международных издания медиагруппы «Интеллигент». Она рассказала, что все три издания по стилю едины, но содержание их различное, т. к. издания независимы друг от друга. В каждом из них главный редактор самостоятельно формирует газетный материал при координации учредителя проекта. Это делается для того, чтобы в трех газетах не было повторений авторских материалов.

От имени редакторского коллектива и учредителя изданий медиагруппы «Интеллигент» Наташа Крофтс передала дружеские приветствия всем собравшимся на презентации. Эти издания из проекта Сергея Пашкова уже хорошо известны авторам в США не только на слух. Многие авторы из США публиковались в изданиях этой медийной группы. Русскоязычные авторы неоднократно принимали участие в презентациях изданий «Интеллигент» и, с каждым разом, интерес к этим изданиям только повышается. Презентации изданий «Интеллигент» становятся крепким мостом сотрудничества русскоязычного творческого сообщества между Россией и США.

Внимание, конкурс!

Кроме того, считаем необходимым

сообщить, что Международное Общество Пушкинистов объявляет о проведении очередного (20-го) поэтического конкурса. Условия конкурса: одно стихотворение на русском языке, не более 28 строк на любую тему. Стихотворение следует отправить до 1 декабря 2011 г. по электронному адресу valentinagor@aol.com или обычной почтой: International Pushkin Society, «Пушкинская лира», 100-25 Queens Blvd. Suite 3G, Forest Hills, NY 11375, U.S.A.

Для тех, кто предпочтёт отправить свои произведения почтой, просьба указывать свои данные только на конвертах.

Оргкомитет Клуба поэтов Нью-Йорка

Светлана Волошина

Родилась и живу на Украине (г. Кривой Рог Днепропетровской области). Почти 30 лет проработала в школе учителем русского языка и зарубежной литературы. Сейчас - в статусе: «Леплю вареники, вяжу я стихи» А еще я постигаю жизнь, природу и себя...

Ощущение «вкуса жизни» только обостряется, когда возраст - это СОСТОЯНИЕ ДУШИ...

***

Я только начинаю жить,
Не подчиняясь расписанью.
Сама решаю, с кем дружить,
С кем хлеб делить, внимать Писанию.

Кого любить и как любить,-
Я наслаждаюсь Свободой!..
Вникая в суть понятия БЫТЬ,
Мудрею с каждым новым годом.

Быть, бытие - в моем быту
Корней игривое созвучье.
Морфемы я, конечно, чту.
Их смысла ряд - не праздный случай.

И, если ищешь жизни Суть,
Познай себя - венца Творенья,
Не бойся жить, а, проще, - БУДЬ!-
Доверься Высшему Веленью.

Законы Жизни столь просты,
Не усложняй лишь их напрасно.
Чти Храм Любви и Красоты,
Ведь Жизнь, воистину, - прекрасна!

***

У каждого «ЛЮБЛЮ» своя цена,
Мы это слово часто повторяем...
Ты у меня один, и я - одна,
Но как же мало о Любви мы знаем!

Мы повторяем слово, как урок,
Как тост зазданный,
старый и обычный,
Как будто запастись стараюсь впрок
Тем, что не станет никогда привычным.

Твоим Признаньем каждым дорожу,
Цена ему - вся Жизнь, и не простая,
Но снова мы подходим к рубежу,
А что за ним - не ведаем, не знаем...

В приливах и отливах свой резон:
Как камешек, душа сияет глянцем!
Бывает штиль и «бархатный сезон»,
Но это все - утехи новобранцев.

У каждого «ЛЮБЛЮ» своя цена,
Но с легкостью растратчиков беспечной
Не сразу понимаем, что она,
Как НЕРАЗМЕННЫЙ
ЗОЛОТНИК, - навечно!

Но к тайне Постижения Любви
Мы тянемся душой,
как к Причащению,-
И если Благодать течет в крови,-
Мы на пути к святому ОЧИЩЕНЬЮ!

***

Шуршала Осень за окном,
Потом скулила.
И, не жалея я о том,
Ее впустила...-

Шершавый нос, как клена лист,
В ладони ткнулся,
Продрогший пёс у ног «завис»
И там свернулся.

Бродяга-Осень, рыжий пёс
С печальным взглядом,
Какие вести мне принес?
Плохих не надо...

И потептели два зрачка -
Два медных гроша,
- Давай, налью-ка молочка,
Пей, мой хороший!

Назавтра путь тебе лежит
Не самый близкий...
Притих бедняга, не дрожит, -
Пустая миска...

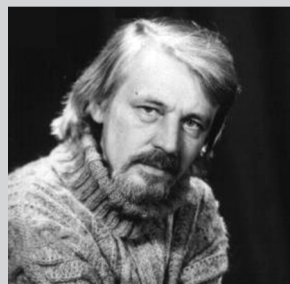
И медь уж золотом в глазах
Его мерцают,
Мой милый пёс, - шепчу я, - ах,
Все понимает!

Вот пегий хвост его мелькнул -
И клен зарделся.
Я до утра уж не усну:
Куда ж ты делся?..

А рыжий клен, как старый друг,
Теперь кивает.
И он, как оказалось вдруг,
Все понимает...

Брожу я, с листьями шепчусь,
Клен обнимаю.
И тоже вдруг в порыве чувств
Все понимаю...

И медь уж золотом в глазах
Моих мерцают,
Но только клен об этом, ах,
Один лишь знает!

Владимир Безладнов

Режиссер, актер, художник, литератор. Член СП России. Публиковался в журналах «Юность», «Волга», «Сибирские огни», «Звезда Востока». Автор двух прозаических сборников - «Премьера» и «Из неизданного», четырех сборников стихов: «СЕ-ВЕР», «Солнце сквозь сосны», «Маскарабозы» и «Боль», а также - нескольких книг для детей. Основной вид литературной деятельности - драматургия. Из восьми написанных пьес четыре поставлены в ряде театров России и ближнего зарубежья. Пьеса «Майский жук в шляпной картонке» переведена на польский язык и поставлена в г. Лодзь. Живет и работает в г. Саров (Федеральный Ядерный Центр).

СЛОВО И ДЕЛО

Такое просто
Нельзя представить:
Скрипят колеса...
Трещат суставы...
И плеть - с приплясом -
От плеч до паха...
А рядом - мясом

Паленым пахнет...
На дыбе кто-то
Визжит по-женски... -
Кипит работа
В Преображенском.

Вспотели каты.
Устал князь-кесарь.
Ведь он когда-то,
Без всякой спеси,
Почел не лишним,
Царю радея,
В Приказе лично
Пытать злодеев.

Сначала - «слово»...
За словом - «дело»...
Донос - и снова
На дыбе тело...

Доносчик - рядом.
Молчит куда...
Под княжьем взглядом
Дрожит, паскуда:
Смекает, стерва,
Что он-то первым
Свой кнут получит...
На всякий случай.

***

В «свободе» полной,
В эпохе страшной,
Пробило полночь
На Спасской башне,
Погасли чинно
Огни Лубянки,
Где по причине
Стабильной пьянки,
В ночные будни
Нарком «болеет»,
А значит, будет
Намного злее,
Следя воочью,
Как каждой ночью
В притихшем зданье
Ведут дознание.

Сначала - «слово»...
За словом - «дело»...
И кто-то снова
Готов к расстрелу.
А дальше - тише!..
Довольно взгляда -
И он подпишет
Вам все, что надо.

Доносчик счастлив:
Ведь он - в фаворе:
Жируют часто
На чьем-то горе.
Не зря смеялся
Чекист железный:
«Стучать не бойся!
Стучать - полезно!».

***

А что сегодня?..
В эпохе нашей?..
И в «Нашей Раше»?..

Подумать страшно.

Гость номера

«СЕВЕР – СТРАНА БЕЗ ГРАНИЦ»

ИНТЕРВЬЮ С АЛЕКСЕЕМ РУМЯНЦЕВЫМ, КООРДИНАТОРОМ ПРОЕКТА «СЕВЕР – СТРАНА БЕЗ ГРАНИЦ»

Название литературно-художественного конкурса очень актуально и символично. Мы живем в многомерном пространстве, на стыке времен, и границы реальности раздвигаются творческим порывом до бесконечности.

Инициаторов проекта, авторов книги и членов жюри объединила любовь к Северу, загадочной земле, которая раскрывает свои тайны не каждому, но сильным и смелым дает многочисленные возможности для поиска себя, новых открытий, необыкновенных приключений и путешествий. Все, кто откликнулся на призыв участвовать в конкурсе, – особенные люди, настроенные на глубинную душевную волну.

В северном крае нет южного буйства природы, ярких красок, дешевых примитивных удовольствий и привычных благ цивилизации. Сюда редко приезжают любители традиционного комфортного отдыха.

Материальные ценности на Севере становятся условными, а чувства и эмоции обостряются до предела. Легко притворяться и примерять чужие маски бессмысленно: человек тут раскрывается изнутри, проявляет свои истинные достоинства и недостатки, становится таким, какой он есть на самом деле.

Север – сакральное место силы для тех, кто умеет верить, любить и ждать, ценит дружбу и предан идеалам товарищества и взаимопомощи, способен раскрыть красоту преодоления препятствий и испытаний, воспеть суровые, неласковые края. Тех, кто сердцем пророс через граниты и мхи, Север не отпускает уже никогда. Как магнит, он притягивает к себе отовсюду.

– Алексей, кому принадлежала идея провести конкурс «Север – страна без границ», какова история проекта?

Инициатором проведения конкурса выступил Вадим Васильев, заслуженный путешественник России, генеральный директор ЗАО «Сэтила из Швеции». Более тридцати лет он имеет непосредственное отношение к северу и как путешественник, и как бизнесмен, поэтому кому, как не ему, могла прийти на ум идея объединить неформально людей, для кого Север является не просто красивым словом, а увлечением или даже смыслом жизни. В 2009 году он организовал первый конкурс под названием «Север – страна без границ», прошедший в 2009 - 2010 годах. В 2011 г. прошел второй конкурс.

– Сколько всего человек участвовало в конкурсе?

В первом конкурсе приняло участие более ста человек. Примерно половина прислала свои работы в номинацию «Проза, поэзия», другая половина – в номинацию «Фотография». Во втором конкурсе приняло участие более двухсот человек, так же примерно поровну разделившись по двум номинациям.

– Какова идеология и философия конкурса?

Если человек увлечен севером и ему есть что рассказать и показать, то конкурс всецело предоставляет ему такую возможность. Среди участников конкурса оказалось много людей, которые не ограничились рамками литературы и фотографии и прислали на конкурс свои песни, картины, телерепортажи. Авторы оригинальных работ также были отмечены жюри конкурса, в которое входят те, кто не понаслышке знаком с севером, и можем профессионально оценить работы участников. Это Виктор Боярский – почетный полярник, член Союза Писателей России, директор му-

зея Арктики и Антарктики; уже упомянутый Вадим Васильев, Сергей Доброго – путешественник, руководитель проекта «Баня Гринсайд в Антарктиде»; Александр Дымников – путешественник, член Союза Фотохудожников России и Наталья Лайдинен – поэтесса, писатель, член Союза Писателей России.

– Могут ли такие конкурсы привлечь внимание к теме русского севера, его проблемам и потребностям?

Организаторы конкурса не ставят перед собой глобальных социальных и политических задач. Но и участникам конкурса, и его организаторам тема севера не безразлична, поэтому их жизненная активность не ограничивается только рамками конкурса. Идет постоянный обмен мнениями, идеями, предложениями. По результатам первого конкурса выпущен сборник литературных работ, презентация которого состоялась на одной из центральных литературных площадок Санкт-Петербурга. Изданную книгу можно найти в магазинах города. К концу 2011 года планируется выход второго сборника, куда кроме прозы и поэзии войдут так же и фотоработы.

– Планируется ли проведение третьего конкурса «Север – страна без границ»? Когда о нем будет объявлено?

Во втором конкурсе принимало участие вдвое больше человек, чем в первом. Организаторы ставят задачу сохранить набранные темпы, для чего уже сейчас идет работа по выбору информационных площадок конкурса и его креативной частью. Планируется, что в октябре этого года будет объявлено об условиях и сроках проведения третьего конкурса.

– Из каких регионов России приходили письма от участников конкурса?

– Практически из всех регионов России: от Туапсе до Мурманска, от Калининграда до Сахалина и ближнего зарубежья: Украины,

Белоруссии, Прибалтики. Среди участников третьего конкурса планируем увидеть жителей США, Канады, Европейских стран.

– Почему Вам интересно заниматься этим проектом? Откуда любовь к северу?

Во-первых, как это не банально прозвучит, север – это часть нашей родины. Для жителя Санкт-Петербурга – это неотъемлемая часть жизни: зимние лыжные походы, осенний запах вереска и красные шляпы подосиновиков. Это детские книжки Джека Лондона и старые советские фильмы. Это рыбалка на Ладоге и вечера на Балтике. Во-вторых, работы участников всегда несут личный оттенок, открывая что-то сокровенное, новое, но понятное и близкое.

Наталья ЛАЙДИНЕН

Игорь ИВАНЧЕНКО

Север вдохновляет на стихи...

Добровольный заложник

Над костром – закопченный треножник,
Закипает вода в котелке...
И Оби добровольный заложник,
Ставший с августом накоротке,
В котелок сыплет горсточку мяты;
А потом неземной аромат
Принимается в качестве платы
За возможность увидеть закат...
Тянет сыростью.
В воздухе мгlistом
Гаснут звуки.
Восходит звезда.
И пикируют утки со свистом –
Не откажет в приюте вода.
И – нестройная полифония:
Меньших братьев лесных голоса...
Все сильней комаров тирания.
Все слабей на детали глаза.
Уток чуть различимая стая
Проплывает вблизи невзначай.
Обжигаясь и шумно вдыхая,
Пьет заложник Оби поздний чай.
Городской отщепенец.
И – вроде
За душой уже нет ничего,
Кроме нежности к дикой природе,
Навсегда приручившей его...

* * *

Медленное северное солнце
Горизонта притянул магнит...
Берег. Паутины волоконце
Над рекою, серебрясь, летит.

Рыбаки. Костер. От дыма горько.
Щука бьется –
Выжить! –
На песке.
Прошлого заржавленная гирька
С августа висит на волоске...

Пусть еще назад видна дорога,
Пусть еще не сожжены мосты...
Но уже цепляется –
С порога –
Город, как шиповника кусты.

Что с того, что –
Я подозреваю –
Город этот мне еще не рад?!
Вертолета стрекоза живая
Медленно уходит на закат.

Скупость убывающего света.
Кедров стая. И бархат камыша.
Жизнь и север на исходе лета.
Чем и как откликнется на это
Перемен хотевшая душа?..

Гроза в Стрежевом

Овода шальная пуля.
Скомканный закат.
В потном кулаке июля
Стрежевой зажат.

Уноси, прохожий, ноги,
Сух пока и цел:
Гром и ливень на пороге –
Выверен прицел...

А пока народ судачит,
Позабыв про страх,
Молнии олень проскачет –
Туча на рогах...

Миг спустя с небес на город
Двинет напролом
Тишины недавней враг –
Сумасшедший гром.

В плач ударится ребенок.
Тополь молодой,
Как ушами жеребенок,
Прядает листвою.

Прилегли газонов космы.
День – на волоске.
Расходящиеся оспы
Капель на песке.

Грозы – лета блажь и фокус...
Вынь их да положи!
Бабушка свой пыльный фикус
Вынесла под дождь.

Через час все шито-крыто...
Рваных туч смолье.
На веревках, позабыто,
Вымокло белье.

* * *

Мой край озерный!
Мой болотный край!
На дудочке июльского рассвета,
В разгаре самом северного лета,
Сырай мне одному подъем, сырай.

Чтоб спешно, без оглядки, налегке,
Не отягчен долгами и врагами,
Спрессовывая гравий сапогами,
Я шел проселком к дремлющей реке...
Мой край болотный!
Мой озерный край!
Пока любовь и нежность не отпели
Со мною вместе, тихо на свирели
Играй мне подорожную, играй.

И уводи – безмолвного – туда,
Где небо подпирает бор зубцами,
Где вереск не изломан подлецами,
Где черная болотная вода...

Евгений ЧЕКАНОВ

Стихи о Севере

Идешь ты по скверу

Идешь ты по скверу –
и в сквере становится тише...
И разве по взгляду,
что ярче июльского дня,
кому догадаться,
какие ты письма мне пишешь,
как плачешь в подушку,
нескорую почту кланья?

Кому догадаться,
что ты – это бред мой неясный,
что знойный июль –
лишь в горячей моей голове,
что я в это время
лежу в спецшпиве и каске
за бруствером снежным,
на мерзлой, погибшей траве?

И скверы фантазии
рубят команда комбата,
и мерзлые капли
с лица обдирает ладонь...
Негнушимся пальцем
нажму на крючок автомата –
и ахнет мороз!
И в руках затрясется огонь...

Камни Заполярья

Здесь парни из камня, печали полны,
Стоят у негромкой речушки,
Здесь мерзнут, подмяв под себя валуны,
Тяжелые танки и пушки,
Здесь падало семеро из десяти –
От камня, разбитого залпом,

Здесь каждый, кто камнем упал на пути,
Такое тебе рассказал бы...

Здесь выюга тоскует... Послушай ее
В холодном темнеющем поле,
И будь даже каменным сердце твое –
Оно разорвется от боли!

Образы Заполярья

Заполярье!.. На голых плацах
В тыщу пальцев свистят метели.
Как нарывы, холмы бугряты
На земном худосочном теле.
И казарм деревянных стены,
Как суставы, в ночи стреляют,
И далеких подруг измены,
Словно раны, не заживают.
Но тоски ледяная пропасть
Строевого припева мощью
Перекрыта...
О, этот образ,
Как и все, я придумал позже.
А когда я служил Отчизне
В заполярной дыре морозной,
Эти образы были жизнью –
Непридуманной и серьезной.

Прощание с Печенгой

Хватит минуты – проститься...
Молча стою на плацу.
Ветер с норвежской границы –
Как наждаком по лицу.
Неба разбухшее тесто,
Сопок угрюмая рать...
Печенга! Чертово место,
Век бы тебя не видать!
Мы расстаемся чужими,
Вряд ли я стану тужить...

Как тут ребята служили?
Как им придется служить?

Страж Заполярья

Имя есть. Но не так уж и важно,
Как потомки его нарекли.
Быть осталось ему – только стражем
Этой каменной русской земли.

Только стражем!.. Ни милым, ни мужем,
Ни веселым и сильным отцом –
Эти облики вымело стужей
И сожгло беспощадным свинцом.

Север – Страна без границ

В поисках затерянной цивилизации

Главного северного идола – статую золотой женщины величиной с человеческий рост – ищут давно и безрезультатно.

И вот в самом начале лета очередная археологическая экспедиция отправилась за ней, а вместе с романтиками-археологами поехала и я. Поездка получилась стихийной, как бывает, наверное, только в журналистской жизни. Сказали «ехать», значит, собираешься и едешь. Воздушный поцелуй из окна спешащего такси – привет родне! Да записка, оставленная на столе сыну. Вот и все.

...Наши катера уверенно бороздят речное полотно. Боже, как это красиво, красиво до умопомрачения! Вдруг дорогу нам преграждает пожилой хант на деревянной лодочке, которой он управляет одним коротеньким веслом, и кричит:

– Остановился! Остановился, делегация! Дальше нельзя! Тамошня!

Решено: на переговоры иду я.

– Добрый день! Что вам нужно? – спрашиваю. – Какая может быть тамошня в дебрях Ханты-Мансийского округа?

– Тебе говорю, делегация, тамошня, – не унимается хант. – Давай рассчитывайся, а то не пропущу никуда!

– Сколько надо? – спрашиваю и беру в руки сумочку.

– Эй ты, баба, – ворчит «таможенник», – мне твоих денег не надо! Давай натурой рассчитывайся, и быстро!

Мои спутники в катерах поперхнулись от неожиданного заявления, потом руководитель экспедиции – Нина Могжанова, женщина весьма крепкого телосложения, – взяла в руки большое железное весло, встала и сказала:

– Если не пропустишь сейчас же – пеняй на себя!

– Я недорого беру, – обиделся мужчина.

– А недорого – это сколько? – полюбопытствовали мои спутники.

– Два флакона одеколона...

Заплатив таможенную пошлину натурой, а именно бутылкой водки, мы отправляемся к аборигену домой. И здесь, еще за две бутылки водки, мы получили право жить «сколь захочешь» всей экспедицией из одиннадцати человек, включая овчарку Рекса.

Разницу между археологами и геологами ханты понимают по-своему. Геологи, как правило, все мужчины, и у них много техники, приборы всякие с собой берут, чего-то измеряют, считают. А среди археологов, наоборот, преобладают женщины, которые в технике не особенно разбираются, зато знают хорошо про украшения и домашнюю утварь и, естественно, все могут тут же оценить. А мужики, понятно, редко интересуются разными побрякушками, пусть и столетней давности, – так считают жители Севера.

В отдаленном чуме нас встречает множество собак и нестерпимая вонь. Я схожу на берег первой и вижу пять пустых коробок из-под стирального порошка известной марки. Заслоня нос рукавом, сразу после «здравствуйте» спрашиваю у хозяйки, что она делает с таким количеством порошка.

– Да это... бельё замачивала, – слышу ответ.

– Что, сразу всем порошком? – спрашиваю я, глядя на большие пустые коробки. Мне, например, такой пачки хватает на полгода.

– Конечно! – отвечает хозяйка.

– Это сколько же надо белья! – удивленно восклицаю я.

– Ну, сколь есть – все замочила, а чо растягивать-то на два раза, – говорит хозяйка и жестом приглашает пройти в чум.

Прямо возле стола стоит большое деревянное корыто с прокисшим бельем. Спрашиваю, когда замочила. Отвечает: в четверг. На календаре понедельник и жара, не меньше тридцати градусов.

– Ты когда-нибудь еще замачивала бельё?

Хозяйка (на вид лет сорока) отвечает, что нет. Эта стирка по-русски будет первой в ее жизни. Но она обязательно научится.

Мои спутники принимают решение поставить палатки подальше от чума. Сразу за двором небольшой овраг, весь засыпанный... флаконами из-под одеколона. По моим представлениям, здесь вполне мог бы поместиться КАМАЗ. Это сколько же цистерн надо выпить! Тут же я вижу своеобразную шахматную доску. На куске фанеры аккуратно нарисованы квадраты, а шапками служат пробки из-под одеколона – черные и розовые. Последние, как я понимаю, вместо белых.

Как только мы поставили палатки, устроились, пришел хозяин и сказал, что мы должны перебраться поближе к чуму, ведь он хочет получить свою плату, как и договаривались. Мы ему рассказали про вонь и посоветовали выбросить или закопать бельё. Он ушел и на удивление быстро вернулся.

– Что, уже закопал? – спрашиваю с недоверием я.

– Сейчас, сейчас, не переживай, все будет закопано, я бабу отлупил, она быстро справится.

Я отдаю ему обещанные две бутылки и говорю, что переберемся к чуму сразу, как только там немного проветрится. Хозяин смотрит на водку с неподдельным восхищением, потом на меня и говорит:

– Меня это... Антипой звать. Это кругом вся моя. И уголья моя, и ручей. – Ты можешь рыбы ловить. Но зачем тебе ловить, я тебе так дам. Вон, вишь сеть в ручье закинута. Иди, бери сколько надо. На уху ли, вялить ли, домой можешь взять мужику...

Немного поговорив со мной, Антипа идет к чуму и кричит жене:

– Фая, айда квасить!

Статуя золотой женщины, по преданию, привезена из Индии. Еще восемьдесят лет назад ей приносили жертвы и почитали как верховное божество народа манси. Легенды гласят, что она полностью вся из золота, губы сделаны из рубина, глаза зеленые, изумрудные, а когда дневной свет попадает ей в глаза, в них появляется неземной блеск, – кто хоть раз его видел, не забудет никогда.

Но однажды злоумышленники-иноверцы отпилили ей руки. Разъяренные аборигены нашли их и заживо разорвали, а кровью убитых обмазали места спиленных рук. В начале XX века божество спрятали, и с тех пор ищут его...

Впрочем, археологов интересует не столько уникальный нахрачинский идол, сколько древние цивилизации, существовавшие на местах нынешних стойбищ.

Дополнительно известно, например, что в XIV веке в Ханты-Мансийском округе жили представители сразу нескольких культур. Многие из них отличались довольно высоким уровнем развития.

Об этом свидетельствуют неплохо сохранившиеся с тех времен предметы со всевозможными, порой весьма остроумными, надписями: оригинальные подсвечники, шкатулки с затейливыми рисунками, миниатюрные ложечки, блюдца, монеты, наконечники, чашки, женские украшения (правда, в отличие от современных, довольно тяжелые и объемные).

Утром несколько человек из нашей экспедиции отправляются на поиски места предполагаемых раскопок, к ним сразу же присоединяется пара хозяйских собак. Моя очередь готовить обед.

Внезапно в проеме палатки появляется заспанный Антипа и говорит, что там, куда направилась сегодня экспедиция, копать не следует, поскольку это Змеиная гора, проклятое много веков назад предками место. «Вы же бабы молодые, вдруг потом уродов нарождаете». Я не поняла связи между раскопками на Змеиной горе и рождением уродов, тогда Антипа, жестикулируя, пояснил:

– Это проклято место, понимаешь, баба? А раз проклято, значит, проклятые может лечь и на тебя, и на потомков!

Я налила хозяйку компота и, извиняясь, сказала, что не его дело, где копать опытным археологам. Антипа, видимо, подумал, что я ему налила вина, уверенно поднес стакан к губам но, распробовав, поморщился и сплюнул, поставив стакан на стол и ушел. «Обиделся», – подумала я.

Через пару минут он вернулся и протянул мне пустую литровую банку с пожелтевшим кльком внутри.

– Это что такое? – спросила я.

– Это зуб медведя-шатуна. Давай наливай сюда водки, слышь.

Я посмотрела на Антипу с недоумением, и он поторопился:

– Ну, давай, наливай быстро моему маленькому богу.

К обеду вернулась уставшая экспедиция, я рассказала про Змеиную гору, мои спутники к сообщению отнеслись серьезно и решили исследовать другое помеченное на своей карте место. Признаться, мне тогда было непонятно, почему образованные люди верят в старые-престарые мифы.

Но потом, путем долгих размышлений, я пришла к выводу, что на земле должны быть

места, в которых копать до поры до времени запрещено.

Почему? Да все очень просто: человечество должно получать знания определенными порциями, если где-то будет лишку – случится сбой, который может привести к нарушению всей жизненной системы, давно сложившегося уклада. И тогда катастрофа неизбежна, а последствия ее непредсказуемы. Ведь много тысяч лет назад на Земле наверняка жили люди – вполне возможно, их цивилизация развивалась по тому же пути, что и наша. Но потом что-то произошло, и от тех людей не осталось и следа. Все тайны хранит Земля, и она вряд ли когда-нибудь их выдаст. Эх, человек, человек! Я теперь часто об этом думаю...

На следующий день я подошла к Антипе и сказала, что я журналист и хотела бы взять у него интервью.

– Да бери что хошь, – улыбнулся хозяин, – ты мне сразу понравилась, у тебя зубы вон какие белые и ровные, видать, свои. А мне два передних еще в армии выбили, я в кочегарке служил, сразу после учебки в кочегарку послали, там полтора года и прослужил, тепло, хорошо, а чего мне еще надо?

Пошутили один раз русаки нада мной, сказали: «Антипа, натопи, да смотри, чтобы пожарче». Я натопил, а в топке прапорщик Лазарев – такой был у нас хохол наполювину, вредничий, как покалеченный таракан, – чего-то там спрятал, ну и сторело все к едрене матери имущество. Хоть бы предупредил кто!

Прибежал этот придурок весь красный и с размаху ка-ак даст мне! «Это тебе, тундра, – только и сказал, – чтобы знал, как в теплую погоду казенный уголь жечь». А мне откуда-ва знать, что у вас значит теплая погода, если при первом легком снеге, когда еще не все зверье на зимовку залегло, вы в теплые шубы оборачиваетесь, унты кожаные по самые колени одеваете, шапками подбородки как малые дети обвязываете! Сосульки тают, а вы дрожжите от холода...

Антипа сплюнул, достал трубку, закурил, а потом продолжил:

– Я русский язык хорошо знаю, в школе учился восемь лет, в армии каждую неделю газеты читал, и устав маленько знаю, три положения даже наизусть рассказать могу, а вот русаков, вас, не понимаю. Хоть убей! Какое-то неправильные вы. Вам на погоду или природу плевать, а мужики с молодыми бабами разговаривают как с умными.

У бабы в молодости нету ума, потому что есть желания, это же ясно как божий день. Молодая баба все равно что неспелая клюква – розовая, привлекательная, а неспелая изнутри. Запасешься такой – и вся махом закиснет. А зрелую по первому морозу соберешь, так всю зиму простоит, и ничего с ней не случится. Это же просто, очень просто.

После этих слов он тяжело вздохнул, посмотрел на меня, повернулся и вышел из палатки.

Раскопки получились удачными. Мы нашли много серебряных предметов, это в основном домашняя утварь и монеты. Удалось также установить состав пищи наших предков. Более того, мы попробовали готовить сами по древнему рецепту. Гадость невероятная. Мясной бульон с травами и без соли. Впрочем, везде привычка нужна. Особенно в таком деле, как еда.

После детального исследования наши находки будут выставлены в одном из музеев города Екатеринбурга.

А мне на прощание Антипа сказал:

– Ты... это, слышь, приезжай, когда захочешь, я тебя за бутылку завсегда пушу в свой чум, и рыбы дам, сколь хошь. Я имею в виду настоящей рыбы, там нельмы ли, муксуна ли, а не этой сорной шуки, язя, леща или карася. Ими только собак кормить. Я такую рыбу сразу же выбрасываю, а на кой она мне?

А бабе моей купи этой... как ее... зубной пасты, будь она неладная. Она у меня, видела, какая моднявая вся из себя ходит? Когда паста есть, так считай, каждый день зубы в ручье чистит, прям с самого утра, говорит, хорошо во рту после пасты-то.

А статую вы все равно не найдете. Ее ищут-ищут и ученые бабы, и мужики, а все равно не найдете. Кто святыню выдаст, знаете, что тому может быть? И, это самое, клеенки купи, метра два, если ее в нарты бросить, нарты потом долго не мараются, а мне зачем новые нарты марасть-то?

Ольга ИЖЕНЯКОВА

Сергей Пашков

КЛЮЧИ

Господь Всеведущее Око,
Везде дары Он заложил.
Иным же скользкая дорога,
Уловки он свои смастил.
Поставит камень преткновенья,
И разобьются о Него.
Святым Он даст свое знаменье,
Им мир откроется Его.
Одним узлом двоих Он свяжет,
Язык развяжет Он другим,
Одних спасет, других накажет,
Глупца покажет Он нагим.
Кому-то даст Он испытанья
И во вретилище пошлет,
В награду даст свое преданье,
Смятением на других найдет.
Он оправдает все грехи
В одном сердечном покаянье,
А лицемерам даст пути,
Чтоб извелись в своем старанье.
Он воду сделает вином,
Раздаст награбленное нищим,
С вершин опустит Он на дно,
Из недр воздвигнет восстающих.
И крепкий сон Он наведет,
В одном пробудит Он другое,
К себе Святых Он призовет
И их наставит на благое.
В письме Он весть свою изложит,
С утра пророков Он пошлет
И всех порочных Он низложит,
Благую весть своим пошлет.
Он скажет: «Мир вам, народ Света,
Светите звездами в ночи!».
Для жадного ключом монета.
Перекует Он все мечи.
В Его пророках нет лукавства,
Его Стихи всегда мудры,
И фарисейское коварство
Он помянет, и их дары.
Прохвостов книжников призовет,
Что духовенное не мыслят,
Богами нищих назовет,
Что взяли на себя, Он взыщет.
Он строго спросит, кто чей раб,
Кому в покорности служили,
И стал ли другом тебе раб,
По вашей вере получили.
Чем и за что вы воздавали,
Что претворяли в правилах,
Кого вы часто поминали
И призывали в деланьях.
Прощали братьям вы грехи
Или вы грехами погоняли?
Вы Святость гнали, или крестить
К себе народы призывали?
Кого избавили от скверны
И от пороков, лжи и тьмы?
Претит вам Новое знаменье,
В пороки ль верите одни?
Добро не делая, что ждете,
Как отличить добро от зла?
Так в заблуждениях живете –
Где ж вам увидеть чудеса?

Лена Воронова

Москва. Писательница, поэтесса. О себе: «14 февраля ко мне пришёл ДАР, с тех пор пишу стихи, песни, афоризмы, сказки, истории о нашей планете Земля, Вселенной, Солнечной системе, ещё возникают картинка, рисунки гуашью. Удивительное знание нашей планеты и других галактик.

Жизнь разделилась на ДО февраля 2005 года и ПОСЛЕ. Так чувствуют себя люди, попавшие в катастрофу и выжившие... Опубликована книга «Разумная Вселенная. Инопланетная письменность» (издательство «Феникс», серия «Человек нового поколения», Ростов-на-Дону, 2006»).

* * *

Я тебя обожаю настолько,
Что рассудок мутится порой.
Разгорается ранняя зорька
За пушистой зелёной горой.

Просыпаясь, тебя обретаю,
Улыбаюсь, дышу неспокойно.
И от счастья земного летаю,
Попадая в любви звездопад.

Успокоюсь на миг, на мгновенье
И опять в обожанье уйду...
Заскользят тёмно-серые тени —
Пробурчат, что тогда ... на беду...

Повстречались судьбы эпизоды,
Нагрелись, натешились властью...
На виду у Великой Природы
Стали судьбами близких играть.

Прислонюсь, припаду к горькой чаше —
Слёз солёных никак не унять.
Корни, ветви, стволы жизни наших
Стану тихо, с любовью качать.

Успокоюсь на миг, на мгновенье,
Вновь тобою до края напысь,
Прогоню тёмно-серые тени
И в счастливое время вернусь.

* * *

Россия — женщина дородна,
Вскормлённая на молоке,
Великолепна, хоровадна,
С серпом в натруженной руке,

Поёт задорные частушки,
Притопывает каблуком,
Не пудрит рыжие веснушки,
Рисует петухами дом.

В пурпурном сарафане кружит,
Печёт душистый каравай,
За малых ребятшек тужит
И ценит плодородный край.

Россия — нами многолика,
Многоголоса и жива —
От избытка до блика
Святы празднует слова.

* * *

Дотянусь до неба рукою,
Лоскуточек на платье возьму,
Декольте облаками покрою,
Солнца луч, как бриллиантик, приму.

Лепестки упадут мне на ножки,
Чтобы туфельки в росах сплести.
К небу вытяну обе ладошки,
Благодарности чтоб принести.

Птицы станут летать хороводом,
А цветы аромат расточать,
И Земля с голубым небосводом
На руках своих нежных качать.

Удивительны эти признания,
Восхитительны эти слова.
Человечьи мечтанья-летанья,
И фантазий полна голова.

* * *

По небу ангелы летали,
В телесной форме — два крыла,
А люди недоумевали:
Кто эти чудо-существа?

И говорили меж собою,
Что это страшно, это грех,
Они всем нам грозят бедою,
Убрать их надо без помех.

И ангелы летели дальше,
Другие люди, тот же страх,
Те же слова — улыбки фальши
И непреклонность в голосах.

Три дня искали одобренья,
Искали искренность, любовь.
Три дня — великого гоненья
На души светлые и новь.

Ушли в другие измерения,
Чтоб больше всех нас не пугать,
Но ждут счастливого мгновенья,
Когда их позовут опять.

* * *

Девчушка в шортиках цветных
За руку папу держит,
На щёчках красных, наливных
Луч солнца, как одежда.

Веснушки-крапинки гурьбой
На нос погтеряться вышли,
Но папа тянет за собой,
А солнце — третий лишний.

* * *

У меня на спине два крыла,
У меня на руках две отметины,
Из великой долины пришла
В эти страшные дни-лихолетия.

Поднимая дневную грозу,
Погашая людские страдания,
Обронив вековую слезу,
Вдаль спешу по дороге познания.

Обнимаю любовью небес
И стремлюсь каждый день
к послушанию,
Знаю — добрый учитель воскрес,
Он ведёт к доброте, созиданию.

* * *

Звезда скатилась по карнизу,
Застряла в ветках тальника,
А притяженье тянет книзу,
Но вверх зовёт небес рука.

Звезда мерцает беспокойно,
Чуть испугалась и дрожит —
Тут ветер веет — чутко-вольный,
Вдаль от незримости бежит.

Дохнул неведомым дыханьем,
Взмахнул невидимым крылом —
Звезда упала от страданий
И стала вечным тростником.

* * *

Некому нас пожалеть,
Некому нежно погладить,
Некому песню пропеть,
Некому в жизни поладить.

Горе — одно, как слеза,
Страсти внутри разъедают —
Трепана руса коса,
Что же случилось — не знают.

Русские песни горьки —
В них всё беда да отвага.
Эх, свято-ясны деньки...
Эх, проклятая брага...

* * *

Качалась ветка за окном —
На ней сидели дети,
То было в городе чужом,
На незнакомом свете.

Те дети жили в небесах
И гнёзда тихо вили.
В гортанных резких голосах
На деревьях светили.

Средь них любой, как малый птах,
С другой, иной планеты.
Не гложет зависть, горе, страх
От огненной кометы.

Там свет — покой живых небес,
Там мир прозрачно-тонок,
Как только с ветки новой слез,
А всё равно — ребёнок...

Михаил Пиотровский,
Президент Всемирного клуба петербуржцев.

Валентина Орлова
Председатель правления клуба.

www.wvclub.spb.ru

Ольга Сысужева
(Хельга Янссон)

ВОРОНЕЖ. Пишет с 12 лет. Публиковалась в газетах «День поэзии», «Современная литература». Член Международного Союза Писателей «Новый Современник». Обладатель грамоты Княжеского Совета Всея Руси по итогам конкурса «Неизвестное прошлое России» (номинация «очерки»). Награждена медалью имени Ф.М. Достоевского «За красоту, гуманизм, справедливость». Делегат 2-ого Съезда МСП «Новый Современник» (июнь, 2008). Делегат 3-его Съезда МСП «Новый Современник» (2011). В 2010 году вышла книга «Записки Мэйсона Паркера».

На мотивы Эмили Дикинсон Рассвет

Приходит день медленно. После пяти,
С холмов он лениво нисходит сюда...
Рассвет так пылает, как будто рубин,
И яркою вспышкой зажглись небеса.

Багрянец не вечен. Взгляни на Восток:
Отсюда к нам солнце в величье спешит,
Похоже на яркий топаз, что в ночи
Был дан неизвестной;

Счастливейший ветер уж бьёт
в тамбуринах,
И птицы замолкли, покорные ветру,
Как будто невесты ждут принцев своих,
(А ветер является принцем для них).

Фруктовый сад вспыхнул,
как будто бриллиант,
Так ярко волшебные камни горят,
И будто сюда важный гость поспешил,
И день накрыл зал!

Ярославна

Плач её был Господом услышан,
Обращаясь к Высшим силам с ним,
Ярославна плакала: «Всевышний!
Сделай так, чтоб Игорь был живым!»

Он помчался, не признав знаменья,
Против половцев в опаснейший поход.
Для чего ему терпеть лишения?
На Руси и так полно забот!»

Сидя в тереме своём высококом,
Ярославна не спала ни дня.
В это время муж её далёко
Мчался, шпоря белого коня.

Долго он в плену томился, право.
Как хотелось Игорю на Русь!
Он шептал: «Ты жди, о, Ярославна!
Жди, и непременно я вернусь!».

На мотив Франческо Петрарки

Меж двух влюблённых проходя уныло,
Я видел Донну в отблеске лучей.
Никто из женщин не сравнится с ней!
Склоняется пред ней само светило.

И мне казалось, будто нет надежды,
Что ты, мой друг, посмотришь на меня.
Твой лик сокрыт, и пламенем огня
Горит душа безумца и невежды.

Ты «да» ему в веселье говорила,
И ревностью зажглись мои глаза,
Но был момент, ты улыбнулась мило,
И вмиг ушла в далёкий путь гроза.

Теперь другой стоит с тобой уныло,
А мне сияет в вышине звезда.

Из цикла «Иоанн Грозный»

Ужасный год. Трагедий на Руси
Как будто много. Будто нет надежды
На то, что сменит царь на милость гнев.
И истина, взяв нищие одежды,
Пришла в страну, мечты убавив свет.
И боль пришла. Опричнина как будто
Забыла, что такое свет любви.
И ворвалась внезапно, словно чудо,
Костром сиянья вспыхнув на крови,
Одна надежда... больше нет надежды.
Умчалась прочь, и яростным костром
Горит вновь гнев в душе царя-невежды,
И снова за погромом вновь погром.
Нет больше Марфы. Нет других, и даже
Грязного нет. Малюты тоже нет.
Грустит всё царь об Англии.

И страшным
Как будто ходит. Не уходит тьма.
И только счастьем день
блеснул вчерашний,
Так вновь идёт кровавая волна.

Август

Запах мёда, запах яблок,
Грозди красные рябины.
Аромат неуловимый,
Как мечтания мои.
Пусть войны воспоминанья
Радость нам не омрачают,
Так же вечера встречаем,
Полные очарованья.
Август — чародейкой-летом,
Будто чудом, околдован...
Но уж осенью он скован,
И — мгновенья ты лови.

* * *

Ф.Т.

Сверкнул кинжал. Была, и нет любви.
Финал, как вспышка яростная света.
Застыла Тоска. Яростью горит
Её душа. И жизни больше нету.
За отнятую жизнь ей не вернуть
Былого счастья, ведь её любили...
Она же силой прекратила путь
Того, кто ей был предан до могилы...

...Умчалась, словно кошка в ночи час.
Но можно ль просто так убить любовь?
Зачем убить? Ведь чувства только раз
Даются в жизни. Точка. Замок. Кровь.

Сонет

Ты — музыка.
У. Шекспир

Ты музыкой звучишь в душе моей.
Твой голос сильный,
чистый, благородный
Звучит мечтой желанной и свободной,
И я живу, как будто внемля ей.

И снова ночь взрывается тоской.
И снова раздаются клавишкорды
Каким-то редким, неземным аккордом.
И снова эта музыка со мной.

Рассвет настал. Но только не уснуть,
Мне так же звёзды в вышине сияют,
Но я боюсь мелодию спугнуть:

Она со мной, и чувствами играет.
И мне покой как будто не вернуть:
«Te Deum» вновь мне сердце наполняет.

Памяти Диляры Бикеч

Вздыхает хан. Невинностью своей
Его Бикеч Диляра привлекает.
Любовь, как будто в древности Орфей,
Его тоской любовной наполняет.
И как мелодия стремится ввысь,
Так и его душа стремится к свету.
И только очи счастьем вновь зажглись,
Так дева вновь уходит от ответа.
И будто бы минорная волна
В его сознание сумрачно приходит.
Опять в его глазах тоска видна,
И снова он с Диляры глаз не сводит.
Ни лютни, ни великие певцы,
Ни странствующие барды и поэты,
Не смогут покоришь его Творцы —
Один уж хан тоскует до рассвета.
Ни сладости Востока, ни шербет,
Ни вкус вина, что будит вечно радость,
Не могут наслаждения дарят. Нет!
Лишь только очи милой дарят сладость.
И жадно хан в них в эти дни глядит.
Напрасно ищет он в них наслажденья,
И молит всех богов он, как пийт,
В тени лесов дах только вдохновенья...

И как-то хан увидел то во сне,
Что сердце бедное его постичь желало:
Так, подчиняя редкой красоте,
Смотрели на него глаза Диляры...

Наталья Елизарова

Родилась в городе Омске. Окончила филологический факультет Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Печаталась в журналах «Москва» (г. Москва), «День и Ночь» (г. Красноярск), «Южная звезда» (г. Ставрополь), «Огни Кузбасса» (г. Кемерово), «Урал» (г. Екатеринбург), «Омская Муза», «Звёздный век», «Пилгрим», «Виктория», альманахах «Складчина», «Голоса Сибири» (г. Кемерово), «Под часами» (г. Смоленск), «Точка зрения», «Тарские ворота», коллективных сборниках «На первом дыхании», «Моё имя», «Люблю на разных языках», «И дуют ветры с реки Тишины», хрестоматии по литературному краеведению для младшего и среднего школьного возраста «Сказы Прииртышья» (Омск, 2008). Автор трёх книг: «Завтрак в постель» (Омск, 2004), «Королевство не для принцесс» (Омск, 2006), «Женщина-лисица» (Омск, 2006). В 2004 г. была удостоена звания Лауреата областной литературной премии им. Ф.М. Достоевского. Член Союза российских писателей. Кандидат исторических наук. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Садовник Сказка

Жил на свете один юноша. И был он настолько беден, что ему нечем было платить даже за самую дешёвую комнату на постоялом дворе. Хозяева из милости разрешили ему поселиться на чердаке — всё равно никто из постояльцев не хотел снимать эту крошечную каморку, куда нельзя поставить ни стола, ни стула, и где спать приходилось скрючившись на жёсткой соломенной подстилке калачиком. К тому же во время дождей крыша чердака протекала, как решето, так что там всегда было очень сыро и холодно. Юноша зарабатывал на жизнь тем, что продавал на улице полевые цветы. Но за них платили такие гроши, что их едва-едва хватало на кусок чёрного хлеба. Однако молодой человек не унывал, и все невзгоды делал с шутками да с прибаутками. И была у него мечта — обзавестись собственным клочком земли, разбить на ней палисадник и выращивать там экзотические цветы, привезённые из жарких тропических стран. И чтоб всякий прохожий мог наслаждаться их чарующей красотой и изумительным ароматом.

Как-то раз повстречалась ему на углу городской площади юная цветочница. Сжимая в покрасневших на ветру руках туесок с фиалками, она переминалась с ноги на ногу в своих стареньких, прохудившихся ботинках, ябко куталась в большую мешковатую шаль в заплатках и время от времени кашляла в кулачок сухим, надрынным кашлем. «Купите букетик, господин», — робко обратилась девушка к проходившему мимо юноше. Тот, не в силах вынести её жалобного, умоляющего взгляда, выложил за букет пару мелких монет — весь его сегодняшний заработок. Худенькое, истощённое лицо цветочницы озарилось тусклой улыбкой: «Спасибо, добрый господин!» — сделала неумелый реверанс, чуть слышно прошептала она. Её взгляд упал на поклажу покупателя — огромную плетёную корзину, заваленную благоухающими ландышами. В голубых глазах цветочницы промелькнуло недоумение, которое вскоре сменилось лёгкой дымкой благодарных слёз...

Спустя некоторое время юноша и девушка обвенчались. Он был на седьмом небе от счастья, старался во всё угождать своей возлюбленной. А та оказалась с ноготком и очень быстро прибрала к рукам молодого супруга. «Знаешь, милый, — заявила в один прекрасный день она. — От продажи цветов совсем нет никакого проку. Кому они нужны? Разве какой-нибудь по уши влюблённый мальчишка их на первое свидание купит, а людям уважаемым, с достатком, дарить незабудки да ирисы ни к чему — они свою даму и в харчевне угостить могут, и к модистке отнести, и у ювелира заказ сделать... Если мы и дальше станем продавать цветы на улице, то никогда не сведём концы с концами... Нужно торговать тем, что пользуется у покупателей спросом. Например, овощами. Их и на суп, и на салат, и на гарнир употреблять можно. А люди завтракают, обедают и ужинают каждый день...» Подвигавшись молодой муж уму и рассудительности своей благоверной. «И то верно, — подумал он. — Сколько можно прозябать в нищете? А если дети пойдут, тогда и вовсе на цветочном промысле не сдюжить».

И с того дня начал он выращивать пузатые арбузы, рыжие тыквы, сочные помидоры. На рынке их бойко, с удовольствием раскупали. И очень скоро все окрестные повара и кухарки только к нему стали ходить за свежими овощами и зеленью. Денежки рекой потекли в руки. Очень скоро молодая чета перебралась с постоялого двора на приличную квартиру, а потом и вовсе приобрела себе новый домик. Жена со вкусом обставила его добротной мебелью, стеной украсила бронзовыми

подсвечниками, а окна шёлковыми занавесками. Стала крахмалить мужу белые манишки, готовить на обед наваристые супы, стелить каждую неделю на постель чистые простыни в горошек и делать множество других приятных вещей, разрешённых законом. Муж был горд и счастлив налаженным бытом.

...Но прошло несколько лет, и вдруг он ни с того ни с сего ощутил какую-то смутную, беспричинную тоску — вроде всё хорошо, а как будто чего-то не хватает. Начал он грустить да задумываться и с думами своими, одному ему ведомыми, бродить по набережной. Ходит, пинает носком башмака круглые гальки, да вздыхает о чём-то. И сам он себя понять не может — дома у него так чисто, уютно, а ноги туда не несут, хочется прочь бежать, подальше от ненавистной рассады огурцов и моркови.

Шёл он как-то раз, шёл и услышал тоненький девичий голосок: «Господин, купите букетик для любимой!» Он так и замер на месте — перед ним стояла маленькая продавщица цветов — худенькая, оборванная, глядящая по сторонам голодными и жадными глазами...

Не вернулся в тот день продавец овощей домой. Бросив семейный очаг, поселился в гостинице с юной цветочницей. А далёкая мечта его молодости о прекрасном саде снова напомнила о себе. И тогда он купил вожделенный участок земли и развёл на нём цветник, о котором много лет грезил во сне, и засадил его разными диковинными растениями. Кто бы ни прошёл мимо того сада — не мог на него налюбоваться. Это место казалось людям райским уголком, в котором плачущий вытирал слёзы, отчаявшийся обретал надежду, а равнодушный — желание любить.

Но недолго продлилось его счастье. Брошенная жена, не смирившись со своей участью и озлобившись, вознамерилась неверному супругу отомстить. Бросилась она напрямик в королевский замок, повалилась в ногу монарху и в голос запрочитала, жалуюсь на жестокого изменника и коварную разлучницу. Государь страшно разгневался. Приказал слугам тот час же доставить к нему преступную пару (а, к слову сказать, в стране этой супружеская измена смертной казнью каралась).

Приволокли стражники бедного садовника и его возлюбленную к королю, бросили их, связанных, к его ногам. Вскинул он на них свои суровые очи: «Как вы осмелились государственному закону нарушить и осквернить святыне брачные узы столь мерзительным деянием?! Да знаете ли вы, что вам за это голову отрубят?!» Услышав такие слова, маленькая цветочница лишилась чувств, а её любимый побелел, как полотно. «Что ты можешь сказать в своё оправдание?» — грозно спросил его король. «Не стану я оправдываться, Ваше Величество, — отвечал садовник. — Вина моя велика, и прощенья мне нет. Дозвольте лишь мне перед смертью задать вам один вопрос». «Спрашивай», — сказал монарх, удивлённый его ответом. «Слышал я, что мой король не только государственный муж, но и замечательный художник, а потому я спрашиваю Ваше Величество — смогли бы Вы ради выполнения своего долга и обязательств не картины писать, а всю жизнь, до самой смерти, как маляр, заборы красить?» Король, который, действительно, был талантливым живописцем, задумался. «Нет, не смог бы», — после некоторого молчания ответил он. «Вот и я, мой государь, не смог. Много лет я жил, разводил овощи, продавал их, обзаводился хозяйством, складывал в кубышку деньги, а в душе жила тайная мечта о цветущем саде. И как только у меня появилась возможность её осуществить, бросил ради неё всё. И если мне придётся за это заплатить своей головой — что ж, моя мечта того стоила...» Король призадумался, а потом велел развязать пленников и отпустил их домой с миром.

...А строгий закон тот вскоре был отменён.

Джон Лате Сад видений (психологический детектив)

Мистер Джон Стэплс закрыл за собой дверь и быстро прошёл мимо секретарши миссис Карвелл, которая поливала целый букет пионов в вазе на ящичках с картотекой. Слегка кивнув, он вошёл в свой кабинет, сел за овальный стол из красного дерева и подождал, когда появится миссис Карвелл. Она вошла с непринуждённой улыбкой и необычно большой пачкой корреспонденции.

— По существу, они об одном и том же, — сказала миссис Карвелл, — другая пачка писем в приёмной.

Мистер Стэплс, тяжело вздохнув, взял корреспонденцию и спросил: «Посетители?»

— Я вычеркнула большинство из них, как вы просили. В 8 часов мистер Броджен ещё будет ждать решения.

Мистер Стэплс закурил сигарету, сделал две затяжки и стряхнул пепел в золоченую пепельницу, подаренную ему Компанией. Когда миссис Карвелл вышла, он пристально посмотрел на аккуратную стопку писем, которую она оставила на блестящей поверхности стола. Затем взглянул на аляповатые стены кабинета. Как долго и в то же время стремительно он поднимался из кабинета управляющего Джека Стэплса в громадном здании «Объединённой Компании природного газа и энергии» сюда, в кабинет регионального директора — и как раз теперь нужно было такому случиться!

Вчера его собственный проект прокладки газопровода через излучину реки потерпел провал. Оказалось, что инженеры, к которым он обращался, и с точки зрения самого мистера Стэплса, смотрели не туда, что все равно было его провалом... Не повернулся какой-то один клапан, давление возросло, металл разорвало, и четыре квадратных мили одного из десяти крупнейших городов страны остались без газа в один из самых холодных дней жестокой зимы. Тысячи людей лишились тепла из-за того, что газовые приборы отключились, больницы переводились на вспомогательную энергию. И виновником всего этого безобразия был региональный директор Джон Стэплс! Письма, телефонные звонки с жалобами не прекращались всю неделю.

Стального цвета волосы он зачесывал назад, чтобы подчеркнуть широкий лоб и твердое выражение на молодежавом лице пятидесятидвулетнего мужчины. Лицо мистера Стэплса, которому обычно придавалось тщательно отработанное «руководящее» выражение, помрачнело и налилось кровью от высокого давления. Зажужжал селектор, и нананикерная рука потянулась к нему.

— Я вас просил, миссис Карвелл, не беспокоить меня.

— Простите меня, сэр, но этот человек из полиции, следователь Мангвейзе. Он говорит, у него официальное дело.

На лбу мистера Стэплса запулысировала жилка: он не хотел никого видеть, пока не закончится расследование, но полисмен... «И так достаточно плохой рекламы», — решил он и нажал кнопку вызова.

— Миссис Карвелл, пришлите детектива ко мне. Мангвейзе, низенького роста человек на пятом десятке, с редкими волосами и тихой улыбкой, совсем не походил на полицейского, его выдавали дешёвый костюм и слишком цепкий взгляд. Когда он подходил к столу по мягкому ковру, мистер Стэплс смекнул: в этом маленьком теле должна быть заключена отнюдь не маленькая сила! Он нёс с собой нечто похожее на ящик с цветами на длинных стеблях.

— Детектив Мангвейзе, — сказал тот, пожав руку мистера Стэплса и усаживаясь в кресло перед столом, поудобнее устроив длинный белый ящик на коленях.

— Я полагаю, вы пришли в связи с юридическими последствиями энергетической аварии? — спросил мистер Стэплс, пододвигая коробку с сигарами детективу.

Мангвейзе отрицательно покачал головой. — Это связано вот с чем, — сказал он, приподняв крышку ящика с цветами. Мангвейзе отвернул складки белой ткани, и открылся букет разных цветов — увядших и мертвых.

— Я полагаю, вы мне объясните лучше? — удивленно произнес мистер Стэплс.

На губах Мангвейзе мелькнула мягкая улыбка.

— Мистер Стэплс, — воскликнул он, — вы случайно оказались замешаны в одном из самых причудливых убийств в истории преступлений! — Убийств?

— Эти факты ещё не преданы гласности, — отозвался Мангвейзе, — поэтому мне придётся начать с самого начала. Вы знаете старые дома на Мэдэн-стрит, которые изрядно обветшали?

Мистер Стэплс кивнул головой. Он видел эти кварталы домов, построенные в лучшие времена. Аристократические, кирпичные, с высокими фронтонами над тремя этажами отвратительной псевдоготической архитектуры. Половина из них была теперь меблированными жилищами с грязными окнами, а покосившиеся террасами и запущенными садами.

— В одном из этих кварталов жил человек, — продолжал Мангвейзе. — Человек, который получил дом в наследство от своей матери более двенадцати лет назад. Этот человек — мы не вправе еще назвать вам его имя — имел небольшую теплицу позади дома, теплицу площадью десять квадратных футов и полностью из стекла. Она была расположена в таком месте, что ее трудно было увидеть с улицы, и большинство стекол были замазаны изнутри для защиты от солнечных лучей и отчасти от посторонних глаз. Этот человек прилагал все усилия, даже понёс расходы на специальный газовый обогреватель, чтобы добиться нужной температуры в теплице в течение всего года.

— Пока что ничего удивительного, — заметил мистер Стэплс, закуряв ещё одну сигарету

Егоров Игорь

Родился в Омске. Окончил Омский политехнический институт, Международную академию менеджмента. В настоящее время — редактор журнала «Виктория», альманаха «Тарские ворота». Печатался в региональных и центральных газетах, журналах «Арион», «Капля», «Омская Муза», «Виктория», альманахах «Складчина», «Голоса Сибири», коллективных сборниках, антологиях произведений омских писателей («Сегодня и вчера»). Произведения Игоря Егорова включены в хрестоматию по начальной школе по литературному краеведению «Зарничка» (Омск, 2006). Автор пятнадцати книг. Дипломант областного литературного конкурса «Лучший рассказ XXI века». Занимается переводами с английского языка. Член Союза российских писателей.

ту с фильтром, — просто немного эксцентричный садовод...

— Да не просто немного эксцентричный! — воскликнул детектив. — Видите ли, кроме красоты цветов этот человек интересовался женской красотой. У него было две жены и обе, как считают, сбежали. Последняя исчезла четыре года назад. Теперь выясняется, что много женщин было в его жизни, всего дюжина. Он убил всех двенадцать и похоронил их в своем цветущем круглый год саду.

— Убил двенадцать женщин?! — мистер Стэплс привстал и опять сел.

— Убил, — отозвался чётко и спокойно детектив.

— Но минуточку! — возразил мистер Стэплс, сигарета застыла у его губ. — Вы сказали, что они все были похоронены в его теплице, а вы говорили, что она маленькая, десять на десять.

— Верно! — ответил детектив, улыбаясь. — Он похоронил их в сточном положении, и их головы оказались чуть выше поверхности земли, в верхние части черепов были посажены растения. Великолепное удобрение, могу вообразить!

Мистер Стэплс согнулся пополам в своём кресле. Образы этих нелепых цветочных горшков-голов в чёрной холодной земле вызвали у него тошноту.

— Боже мой, неужели это серьёзно?! Вы меня разыгрываете!

— Если бы, — усмехнулся детектив, — эти женщины с прошлым, большей частью проститутки, случайные... по которым никто плакать не будет. Этот человек завязывал знакомства, а потом переходил к делу. Одни из них жили с ним некоторое время, до убийства. Должно быть, было в нём что-то притягательное, какой-то шарм...

— Но цветы... почему?

Детектив Мангвейзе откинулся в своём кресле.

— Да поймите, этот человек отождествлял красоту определенного типа женщин с красотой определенного типа цветов. Мы установили это из его дневника. Одну женщину звали Ларэн, и она была для него как орхидея, кроткая изящная, с безупречно плавными линиями тела. Затем была Роза-Анна, его нежная роза, стыдливая и целомудренная, и выглядевшая моложе своих лет.

Наконец Мангвейзе потянулся за ящиком с цветами и выбрал завядшую розу на длинном стебле, раздвинувший и увядший жёлтый тюльпан, засохшую хризантему, потерявшую своё изящество.

— Марлен, Дорис, Барбара, Юнис... Он подбирал цветок для каждой из них.

— Сумасшедший! — воскликнул мистер Стэплс.

Детектив Мангвейзе кивнул головой в знак согласия.

— Поймите же, что так он обладал этими женщинами. Для него эти нежные бутоны, чьи стебли и корни палились телами его любимых, и были его женщинами. Эти потерявшие свою красоту цветы были плотью его возлюбленных.

— Какая мерзость! — отозвался мистер Стэплс. — Но я все-таки не могу понять, какое отношение это имеет к моей Компании?

— Этот человек был вчера за городом, — продолжал детектив Мангвейзе, — когда произошла авария с газом. Это, — он кивнул на белый ящик с увядшими цветами, — всё, что осталось в его теплице, и как региональный директор Объединённой Компании вы прямой виновник смерти его возлюбленных!

— Что?! — лицо мистера Стэплса вытянулось. — Виновен? Как вы узнали об этом маньяке и арестовали его?

— Это наша проблема, — на губах детектива промелькнула улыбка. — Он не был арестован и, как я сказал, считает вас непосредственным виновником случившегося.

Мистер Стэплс облокотился рукой на стол. Последние два дня были для него слишком тяжелыми, а теперь ещё этот возмутительный случай!

— Это абсурд! — Масса вещей абсурдны, — возразил Мангвейзе. — Например, когда я сюда вошёл, вы даже не попросили моё удостоверение.

Глаза мистера Стэплса секунд десять неподвижно смотрели на тёмные увядшие цветы в белом ящике. Его калды судорожно дернулись вверх и исчез под крахмальным белым воротничком.

— Послушайте...

— Послушать? — спросил мистер Мангвейзе, вытаскивая из-под костюма длинные садовые ножницы с красными ручками. Он искусно взял их в руку.

— Я не верю ни одному вашему слову! Не верю! — в отчаянии воскликнул мистер Стэплс дрожащим голосом, схватившись за край стола и вскочив с кресла.

Мистер Мангвейзе тоже вскочил на ноги, его рука медленно, как показалось испуганному мистеру Стэплсу, отвела назад ножницы, сверкнувшие лезвиями. Но мистер Стэплс, всё ещё ничего не понимая, не мог пошевелиться — просто не мог.

— Прямой виновник! — повторял сквозь стиснутые зубы мистер Мангвейзе каждый раз, когда вытаскивал и снова вонзал сверкающие ножницы с красными ручками.

Владимир Борисов

Родился в 1958 году в городе Челябинске. Учеба, служба в рядах Советской Армии – одним словом, судьба похожая на судьбы многих и многих...

С 1980 года проживает в Москве. Женат. Имеет двух дочерей, которые в свою очередь подарили ему двух внуков и одну внучку. Писать начал сравнительно недавно, лет пять-шесть назад. За это время сочинил более 200 рассказов, повестей и пьес, часть которых издавались в России, в Украине, США, Нидерландах. В Нидерландах за спонсорский счет вышло два сборника рассказов и повестей. В настоящий момент во Франции проводятся работы по переводу некоторых произведений на французский язык с последующей публикацией. Член союза писателей «Новый современник», золотой лауреат премии «Золотое перо Руси» за 2008 г., член Моссалита.

Московский Салон Литераторов

Откуда-то сверху, из-под темного, заросшего лишайником и мхом черепичного конька древнего собора Notre-Dame de Paris, на заснеженную мостовую, гранитные парапеты, влажные от тающего снега, на сонные черные волны равнодушной Сены точно так же равнодушно взирала старая кошка неопределенной полосато-пятнистой масти, длинная и необычайно худая. Ее короткие заостренные уши нервно подрагивали, улавливая шорох подошв о хлипкий влажный снег, чуть слышное женское пение, приглушенный кашель мужчины.

Tombe la neige.

Tu ne viendras pas ce soir.

Tombe la neige.

Et mon coeur s'habille de noir...

(отрывок из песни С. Адамо «Снег идет»)

Кошка приподнялась с нагретого места, безбоязненно выгнула спину, широко и беззвучно очертила пасть и, бросив последний взгляд в темную пропасть снежной круговерти, протиснулась сквозь щель слухового окна в теплую чердачную ночь.

Разлапистые и крупные, словно ненастоящие, пушинки, лениво покачиваясь, опускались на крутые истертые ступени моста, старательно прикрывая две цепочки следов, неверные и неуверенные, ярко чернеющие на белом нетронутым снегу...

1.

Копытова Ивана в селе иначе, как Ванькой-дурачком, и не величали. За глаза конечно, а все ж таки обидно, наверно. Трудно сказать, отчего и когда прилепилась эта нелицеприятная кличка к, в общем-то, вполне нормальному, работающему мужику, но прилипла она к нему основательно, не хуже чем родная кожа. Посмотришь, у иного и забор завалился, и избенку бок ведет, да и сам он маму родную с похмела не узнает, ан все равно, уважение:

- Здравствуйте, мол, товарищ Кузякин. Наше вам, Илья Кузьмич. Как ваше ничего, гражданин землемер?

А здесь хоть издохни, хоть в лепешку расшибись - один хрен, все не слава Богу, все как-то не так, все не как у людей. Одним словом, раз Ванька-дурачок, значит, и поступки у него непременно дурацкие, и нечего тут из кожи лезть, что-то кому-то доказывая. Глупость все это, глупость и безнадёга. Народ, он не зря гегемоном обзывается: раз сказал, что Иван - дурак, значит, дурак. Сиди на попе ровно, сиди и не рыпайся.

...После окончания ПТУ вернулся Иван в родное село, устроился механиком-наладчиком молочно-доильного оборудования и вот уже лет двадцать, двадцать пять как бессменно трудится бок о бок с коровками да доярками. Из последних, кстати, и жену себе отыскал - Варьку. Баба, хоть и неверная, погуливать еще до замужества любила, однако же попивала не в пример своим сверстницам довольно умеренно, да и в теле имела приятную припухлость. Добрым был Иван мужиком, простодушным да легковверным, словно ребенок малый, тем более что из сирот (родичи его по пьяни в степи замерзли), вот и клюнул на первую попавшуюся, что сообразила раньше других ноги раздвинуть. Очухаться не успел, глядь, а уж несостоявшаяся еще тещенька его сыном называет да в баню дочку свою вместе с ним, ровно женатиков каких, париться приглашает. Оженившись да годок другой в примаках помывавшись, Копытов стал, похоже, еще добрее и мягче душою, чем до брака. Варьку, бабу свою, к примеру, Иван никогда не бил, даже и подвыпив, да что там бабу, он, болезный, у самой распоследней паршивой овцы, перед тем, как горло ей лезвием располосовать, иной раз около часу прощения выпрашивал, хотя, кто знает, быть может, именно из-за этой его не по-деревенски доброй души и ходил Ванька в дурачках деревенских. Кто знает...

Руки у Копытова, однако, росли оттуда, откуда нужно: электродоилки и прочее оборудование по отсосу молока и отгребанию коровьего дерьма работали как часы, без простоев и поломок - оттого и колхоз их родной, что по бумагам как «Красный луч» значился, всегда в передовых по сдаче молока числился.

Ванька-дурачок

И, надо полагать, именно из-за этого немаловажного фактора и сам Ванька, и супружница его Варька всегда премии получали, иной раз и немаленькие. Что, впрочем, только лишний раз работало против старательного механика-наладчика.

- Вон, Ванька-дурачок, опять полтора за квартал хапнул, а ты что, хуже его? Или только водку жрать умеешь? Лапоть хренов! - справедливо негодуя, выговаривала иной раз соседская баба своему мужику, вырабатывая у последнего бессознательную злобу к ни в чем не повинному Ивану.

При коровнике, длинном одноэтажном кирпичном здании, в комнатке с дощатыми дребезжащими стенками, что располагалась прямо под лентой, по которой практически целый день бежали перемешанные с истоптанной соломой коровьи экскременты, именуемые иначе навозом, и располагалась небольшая мастерская дежурного механика. Вроде бы и плонуть некуда, от силы метров пять квадратных комнатуха, а, гляди ж ты, все на местах, как положено. В углу примостился жирно, с потеками крашенный голубой краской старенький холодильник, рядом - верстачок с огромными тисками, косо прикрученными к его деревянному углу. Тут же располагался и кое-какой инструмент, аккуратно разложенный на промасленной газете. Пол, хоть и земляной, но аккуратно выметенный, разве что не блестящий - кто не знает, вообще за бетонный принимает. Возле холодильника невеста каким чудом умудрился Иван впихнуть засаленный диван с круглыми подлокотниками.

А на стене, над верстаком, любовно припиленная ржавой канцелярской кнопкой, страница с фотографией, вырванная из какого-то старого журнала. Надпись, чернеющая под, несомненно, талантливым снимком гласила: «Мост Сен-Мишель. Париж. 1918 год. Мастерская Эжена Атже».

Чем привлекла Ивана эта фотография, неизвестно, но любил он ее ровно родного дитя (которого, кстати, так и не случилось по причине первого, еще девичьего, Варькиного аборт) и готов был часами рассматривать черно-белый снимок, постоянно открывая для себя все новые и новые детали, запечатленные мастером. Вот и сейчас, покачиваясь на грубо сколоченном табурете, далеко от себя отставив испачканные в масле руки, Копытов, бросив на снимок усталый взгляд (как-никак, а смену уже отпахал), заметил, что в левом углу, чуть пониже большой, выступающей буквы N, зазмеялась чуть заметная трещинка.

- А вчера, кажись, и не было ее? - засомневался Иван и даже привстал, прищурив глаз, зеленый и въедливый. - Неужто за ночь образовалась!?! - удивленный мужик хмыкнул и, позавив про грязные руки, почесал кудрявые, в легкую ржавчину волосы.

Минут через сорок, когда, худо-бедно отмывшись теплой, отдающей железом водой, расчесанный и уставший, возвращался Иван домой темными, скудно освещенными проулками, перед взором его все еще стоял кусочек старого Парижа, запечатленный на фотоснимке: каменная глыба старинного моста, размытая редким, ненашенским снегом, и одинокая женщина в длинном плаще, стоявшая у гранитного парапета. Усталая и до жуткой очевидности одинокая.

Одиночество женщины (скорее всего, дешевой уличной кокотки), стоявшей на берегу неведомой Ивану реки, отчего-то делало ее в глазах Копытова более русской, что ли, почти что своей...

- Потерпи, одинокая, - улыбаясь, прошептал Иван, прикуривая мятую сигарету, привычно сплевывая горькие крошки табака. - Завтра я на сутки выхожу. Так что утром встретимся...

И до того хорошо у него было на душе, что даже светлая заплатка чьей-то рубахи, опрометью метнувшаяся в ночи прочь от Ванькиного дома, не смогла испортить ощущения этого странного, большого счастья.

- Что ж ты, Варька, б...-то такая, неуго-

монная? - удивляясь бабьей глупости, пятью минутами позже напрасно спрашивал растерянную, расхристанную супругу Иван. - Да неужто так уж плохо тебе, бедолага, со мной живется, что ты, дура, даже график моего дежурства вызубрить не захотела? Что ж ты позоришь меня, Варька? Невтерпеж, что ли, в самом-то деле?

Иван еще раз оглядел притихшую на диване, полную и растрепанную женщину, бесцельно разглаживающую на теле короткими пальцами холодную-скользкую шелковую ночную рубашку, вздохнул и, переборов жуткое желание смазать жене по дряблым, трясушимся ее щекам, пошел на кухню убирать следы вечернего застолья.

Увидяшие перья темно-зеленого лука, хлебные крошки и расплюснутые о консервную крышку окурки сгребал Иван со стола влажной тряпичей, нимало не переживая, кто же на этот раз, в его отсутствие, проверял упругость пружин Иванова дивана, купленного, кстати, совсем недавно, на майские. Если еще лет пять-десять назад его мужицкое воображение, подогретое ревностью и ползающими по селу слухами, рисовало отвратно-гнусные картины Варькиного совокупления с любым из односельчан мужского пола, то теперь, когда в судьбе Копытова появилась та самая одинокая парижанка, приступы ревности как-то сами собой сошли на нет, оставив вместо себя легкое презрительное недоумение.

- Зачем ей все это? И когда же она наконец-то переберется, ведь не девочка уже давно? - размышлял Иван, расставляя перемятую посуду на проволочной сушилке. Удовлетворенно окинув взглядом аккуратно прибранную кухню, Иван прошел в комнату. Варька, погасив свет, мирно поспавала, довольно натурально изображая спящую. Изпод якобы случайно отброшенной простыни матовой округлостью светилась голая задница его супружницы. В иные годы, по молодости, подобной хитростью Варька частенько получала у отходчивого мужа прощение. Невесело хмыкнув, Копытов прикрыл простыню женины прелести и, не понижая голоса, проговорил сухо и убежденно:

- Еще раз попадешься, уйду из дома.

В теплой, пропахшей квасом, старой пыльной кошмой и потным женским телом комнате, повисла плотная ночная темнота, лишь изредка прерываемая легким Варькиным похрапыванием.

2.

Варька продержалась почти четыре месяца...

Под самый Новый год Ивана Копытова пригласили в город на праздничную конференцию животноводов области, наградили научными часами и разноцветной грамотой, напечатанной на плотной, глянцево-бумаге. После торжественной части всех приглашенных и награжденных зампреда областного комитета лично отвел в расположенный по соседству с Домом культуры ресторан «Заморские дали №2», рассадил по утвержденному списку и, выпив на ходу рюмку водки и пожелав животноводам дальнейших успехов, скрылся на служебной машине в морозной снежной дымке.

Иван, мужик практически непьющий, довольно быстро наелся и от нечего делать решил прогуляться по периметру главной городской площади. Вот тут-то и попалась ему на глаза небольшая конторка, чуть ли не колура, над дверью которой висел красочный транспарант лиловой гуашью: «ГОРЯЩИЕ ПУТЕВКИ ПО ВСЕМУ МИРУ».

Чтобы отбить водочный дух изо рта, Иван зажевал пару колочек голубой ели, растущей поблизости, и, сплунув зеленою на грязный затоптанный снег, смело вошел в турагентство.

- Милая, мне бы что-нибудь поближе к Парижу, - попытался отвлечь от разглядывания глянцево-поблескивающего журнала сиротливо сидящую на потрепанном стуле мо-

лодую лупоглазенькую, прыщеватую девицу Копытов.

Девах, не отрываясь от журнала, швырнула на стойку перед самым Ивановым носом небольшую книжицу со снимком утопающей в огнях Эйфелевой башни и надписью: «Четыре забываемых дня в городе влюбленных» на мятой лошенной обложке.

Копытов поспешно раскрыл буклет, но дорогого сердцу моста среди фотографий не заметил, отчего набылчился и уже довольно грубо поинтересовался:

- Ну, и сколько по нынешним временам стоят четыре дня в городе влюбленных?

Прыщеватая барышня пальцем с ноготком, украшенным облезлым черным лаком, молча цапнула в самом низу брошюры.

- Ах, ...б тебя! - не удержался сразу же полностью отрезвившийся мужик. - Да это же столько телка хорошая стоит! Вы что, совсем ку-ку?!

- Это вы ку-ку! - наконец-то выродила девица. - Нам ваши телки совсем без надобности. Скажите спасибо, что путевки мы реализуем горящие, а то, боюсь, вы и с быком бы распроспались.

- А что тебе бык?! - завелся невеста от чего Иван. - Что тебе бык, дорогу перешел? А ты его, быка этого самого, хоть раз в жизни кормила? Подстилку проссанную ему по холу меняла? А дерьмо ты за ним убирала? Нет?! Вот то-то!

Иван так же резко остыл, покраснел и бочком, бочком направился к двери. В углу на стуле, уронив журнал на пол, с открытым ртом сидела девушка и полными слез глазами смотрела то ли на разбушевавшегося Ивана, то ли на огромного быка, вот-вот готового появиться среди снежной, колочей круговерти за дверью.

- Ты прости меня, девочка, как тебя там? Прости. Не знаю, что это на меня нашло?

Прости. - Иван распахнул дверь и почти бегом ринулся прочь. Да и пора уже было: автобус, подслеповатый и мятый, залепленный ошметками снега, уже торчал возле автовокзала.

- Прости! - прокричал он на бегу, спеша забраться в теплое, пропахшее бензином и овчиной нутро автобуса.

- Мне до Долгой! Один! - Копытов протянул кондуктору квелую купюру и, присев возле окна на жесткое сиденье, принялся высчитывать что-то в столбик, записывая цифры на заиндевавшем окне.

Дома Ивана встретила холодная тишина, нетопленная печь и тоскливое мычание недоеной коровы. Наскоро обтерев вымя Ласточки, Копытов умело и споро сдоил молоко в звенящее оцинкованное ведро и, оставив его в сенях, поспешил на ферму.

В комнатухе его, на диване, с расстегнутой ширинкой, пустив на щеку клейкую слюну, похрапывал зоотехник-практикант, тшедушный паренек лет двадцати пяти, присланный из городского техникума на зимнюю практику. Варька сидела, раскачиваясь, на верстаке, совсем голая с наброшенной на полные плечи засаленной телогрейкой, и, уставившись на вошедшего супруга пустым взглядом ничего не понимающих глаз, с трудом пыталась что-то выговорить. Может быть, даже и повиниться...

- Я же тебя предупреждал, сучка, - облегченно выдохнул Иван и, освобожденно хохотнув, презрительно щелкнул прокуренным пальцем Варьку по крупному носу и вышел, не оборачиваясь.

Редкие по случаю новогодней ночи проезжающие машины светом фар выхватывали из снежной темноты странную до нереальности картину: по обочине дороги в сторону города шел улыбающийся мужик в коротком полушубке с зеленым дерматиновым чемоданом в руке. Следом за ним с философским равнодушием понуро брела пестрая корова, изредка помахая заиндевевшим хвостом.

Провожая взглядом проезжающие мимо него машины, Иван недовольно морщился, словно их надсадный шум мешал его нескончаемой беседе с той, которая, несомненно, ожидала его возле чужого заснеженного моста.

Продолжение. Начало на стр. 6

3.

Иван сидел на отчаянно холодной и мокрой ступени, подложив под себя дерматиновый свой чемодан, сидел почти возле самой воды, с тоской осозная всю глупость случившегося. Полупустой чемоданишко, расплюснутый задницей Копытова, подозрительно скоро промок, и Ивана, основательно продрогшего, била крупная дрожь. Сигареты закончились, да и курить-то здесь, практически под мостом, на промозглом сквозняке, особого желания у Ивана не было. Хотелось согреться, выпить горячего чаю с клюквой или, на худой конец, водки. А еще хотелось домой, в родное село. В теплый коровник, где тяжело и грустно вздыхают разномастные телки, твердо перебирают копытами откормленные производители и жалобно мычат телята-первогодки. Хотелось к непутевой и, наверное, давно уже нелюбимой Варьке. Группа его уже покинула Францию (Иван вчера тайком сквозь частую решетку ближайшего к гостинице сквера наблюдал, как туристы под вечер грузились в автобус, направляющийся в аэропорт), и что теперь делать без документов и денег он, откровенно говоря, не представлял.

Черная вода Сены, при одном взгляде на которую становилось еще холоднее и неуютнее, чуть слышно хлопала о серый гранит, хлопала подозрительно музыкально. Ивану даже показалось, что сквозь шорох этих холодных волн он может разобрать какие-то слова, а то и целые фразы...

*...Tu ne viendras pas ce soir,
Me crie mon desespoir
Mais tombe la neige,
Impassible manège...*

- совсем отчетливо услышал у себя за спиной Иван и, все еще словно сомневаясь, медленно, страшно медленно повернулся на голос.

Невысокая, худощавая женщина с несколько высоковатыми скулами, в светлом плаще и коротких сапожках с опушкой, промокших и даже, кажется, слегка стоптанных, стояла, опираясь на длинный зонтик-трость, ступеней на пять-шесть выше оторопевшего мужика и внимательно смотрела на него, легко и устало улыбаясь.

- Ты все ж таки пришла, одинокая? А я, дурак, уже начал сомневаться... А ты пришла...

Он встрепенулся, узнавая ее, ту, с фотографии, с кем разговаривал так часто...

- Quel est le probleme, mec? Vous vous sentez mal?* – проговорила она негромко и, спустившись на несколько ступеней ниже, приложила ко лбу Ивана узкую и прохладную ладошку.

- Да ты что, родимая? Ты думаешь, я заболел? Вот уж нет! Копытовы все крепкие к холоду. Родичи мои вот тоже в свое время... - он взглядывал в лицо женщины посветлевшими, повеселевшими глазами и губы его, потрескавшиеся и от холода посиневшие, непроизвольно растянулись в счастливую улыбку.

- А я знал, ты слышишь, родная, я знал, что ты придешь... Я знал...

- Je vous invite a son. Vous avez juste besoin d'obtenir sec et chaud ... Je vous svara safe**, - негромко и неуверенно проговорила незнакомка и, повернувшись к Ивану спиной, начала подниматься вверх, туда, где гранитные балясины и перила моста чернели на фоне серо-снежного утреннего неба.

Копытов зажмурился и, спихнув в воду нелепый чемодан, неловко спотыкаясь на мокрых ступенях, поспешил за ней...

На пустынную набережную, что возле моста Сен-Мишель, тихо опускался крупный, нереально крупный снег, старательно прикрывая черные цепочки следов... Влажные и неверные...

*...Tombe la neige.
Tu ne viendras pas ce soir.
Tombe la neige...*

* Что с вами? Вам плохо?

** Я приглашаю вас к себе. Вам просто необходимо обшуститься и обогреться... Я сварю вам кофе...

Ян Кауфман

Прозаик, поэт, публицист. Родился в Москве. Публикации: сборник стихов «В любом из нас спит где-то гений...», Нью-Йорк, 2003; сборник рассказов «Вид на жительство» Москва, 2008. Многочисленные публикации в периодике США, России, Германии, Австралии, Израиля. Член Союза писателей Северной Америки, Председатель Правления Московского РО МСП «Новый Современник», куратор проекта «Моссалит».

Московские вехи. Немецкая слобода

Мы сидим в небольшом уютном зале арт-клуба «Швайн». Издалека чуть слышно доносится незнакомая мелодия блюза. Низкий сводчатый потолок, поразительная толщина кирпичных стен, необычной формы окна, загороженные коваными старинными решётками, и приглушённое освещение – всё это располагает к философским рассуждениям о прошедшем времени и глубокой старине...

Впрочем, о чём ещё может философствовать десяток пожилых москвичей, бывших однокашников, встретившихся впервые спустя шестьдесят лет после окончания школы? Тем более когда на длинном деревянном столе перед тобой постоянно меняют натюрморт из различных салатов, кружек пива, всевозможных сортов колбасок? Разве возможно запомнить все эти названия – рёбрышки «Фрекен Бок», сёмга «Гольден Эльза», рулька «Беккерман»?

Мне этот русский клуб, располжившийся в чудом уцелевшем купеческом особняке, показался типичным немецким пивным погребком.

От серьёзных рассуждений периодически отвлекает нас не только аппетитная еда, но и забавное оформление интерьера – большое количество картин и статуэток с изображениями всевозможных свиной и поросят. Ведь талисман заведения – герр Швайн...

За разговорами вспоминаем наше военное голодное детство, наших учителей и начинаем понимать, что вся наша жизнь да и жизнь всех поколений – это, в конечном итоге, постоянная борьба добра со злом. Постепенно, дополняя друг друга, переходим к историческим воспоминаниям о районе, где мы когда-то родились и учились, о Немецкой слободе.

Немецкая слобода появилась в 16 веке. Тогда правый берег реки Яузы на северо-восток от Москвы был заселён ливонскими пленными и выходцами из Западной Европы – немцами, которым было запрещено селиться в черте города.

Население занималось, в основном, различными ремёслами и мукомольным промыслом.

Этому предместью был присущ особый, отличный от московского, облик и быт. Иноземцы воссоздали здесь привычные для них условия жизни. Слободу выгодно отличали чёткая планировка прямолинейных улиц и переулков. Здесь появились кирпичи, таверны, лавки с иноземными товарами, люди носили заморские одежды, звучала иноземная речь.

На Немецкой улице шумел допоздна базар. После разорения слободы войсками Лжедмитрия Второго, а затем и поляками, её заселили владельцы ремесленных заведений и мануфактур. В годы правления Петра Первого Немецкая слобода становится резиденцией царя и в течение 18 века одним из модных аристократических районов, где так же начали селиться его будущие сподвижники и офицеры. От тех времён сохранились названия переулков: Старокирочный, Бригадирский, Посланников, Аптекарский, Лефортовский.

О том времени остались наименования парков и усадеб, дворцов и мостов. На левой стороне реки Яузы были расселены солдаты полка под командованием швейцарца Ф. Лефорта.

Слобода, как и вся Москва, пережила пожар 1812 года, после которого там появились купцы и мещане, а территория начала застраиваться дворцами знати (Лефортовский дворец), мануфактурами и фабриками.

В 19 веке название Немецкая слобода почти исчезает из московской лексики и распространяется название Лефортово, которое существует до сегодняшнего времени.

Пётр I охотно приглашал немцев на государственную и военную службу, используя их богатый опыт в создании собственных российских кадров при развитии ремёсел, торговле, при организации обучения различным наукам, иностранным языкам. Благодаря немецким специалистам были значительно реформированы предприятия чёрной и цветной металлургии, горнодобывающая промышленность. Немецкие поселенцы зачастую оказывали большое влияние на политику Петра I.

Государь часто навещал Немецкую слободу не столько по делам государевым, сколько от желания поведать немецкую красавицу Анну Монс. Он был настолько привязан к этой молодой красавице, что после знакомства с ней немедленно сослал свою жену Евдокию в суздальский Покровский монастырь. Он щедро одаривал фаворитку дорогими подарками – алмазами, каменным двухэтажным домом в восемь окон, вотчиной с деревнями в Козельском уезде. Анна показала себя заботливой, умелой хозяйкой. Она много занималась посадками и возвращением урожая, недаром её называли «первой дачницей на Руси».

Благодаря Анне Монс, Пётр I поневоле поворачивал Русь лицом к Западу. С 1703 года он начал жить постоянно в её доме.

Но уже в следующем году Пётр I уличил Анну в измене, и она попала в опалу. С тех пор прошло не одно столетие. Изменилась бывшая Немецкая слобода. К счастью, военные годы и время не сумели полностью уничтожить исторические дворцы и парки, кирпичи и мосты. Так же продолжает с раннего утра и до позднего вечера гудеть Немецкий рынок.

Слобода развивается на основе проекта немецких архитекторов, который метко нарекли баварским. Уже начато благоустройство парка «Лефортово», который создавался еще в петровские времена по образу Версальского ансамбля.

Расходились мы поздно, с неохотой и грустинкой... Когда ещё встретимся и встретимся ли вообще?

Однако уже на выходе нас развеселили выдержки из приказа Петра I, расписанные вязью по обе стороны от двери - слева: «ПЕРЕПИВ И БЕДУ ПОЧУЯВ, СКОРЫМ МАРШЕМ СЛЕДУЙ В КЛОЗЕТ, ПО ДОРОГЕ ВСЕ СИЛЫ УПОТРЕБЛЯЙ НА СДЕРЖАНИИ ЗЛОДЕЙСКИ ПРЕДАВШЕГО ТЕБЯ БРЮХА!»;

справа: «УХОДЯ, ПРОВЕРЬ КАРМАНЫ: МОЖЕТ ШТО ХОЗЯЙСКОЕ ЗАВАЛИЛОСЬ СЛУЧАЙНО, ИБО ИНЫЕ ОСОБО РЕТИВЫЕ ЛАКЕИ МОГУТ И ОТВАЛТУЗИТЬ В ПАРАДНОМ ПО НАУЩЕНИЮ ХОЗЯЙСКОМУ!»

Надежда Гусева

Поэт и прозаик. Родилась и живу в Москве. По профессии врач, окончила 2-ой МГМИ им. Пирогова. Стихи пишу давно, но с особым увлечением в последние два десятилетия. Печатаюсь в сборнике памяти «Лев Ошанин», журнале «Юность», сборнике «Прикосновение», газете Пенковского района Тверской области «Звезда». С ноября 2011 г. – член Моссалита.

НОВЫЙ ГОД с улыбкой детства

**Предновогодняя зима.
Слегка метелит, снег кружится,
У детской горки кутерьма.
Ты выросла. Как время мчится!
Среди бетона и стекла
Висят гирлянды из рекламы...
Практичней ты и выше мамы,
И торт на праздник испекла.**

**А помнишь, как твоя душа
Робела перед Дед Морозом,
Не узнавала, чуть дыша,
Отца под маской красноносой?
Поверив в сказочную жуть
Про беды ледяной избушки,
Ты долго не могла уснуть
В обнимку с мягкой игрушкой.
Гнала коварную лису
От заячьей избы под елью
И в добром сказочном лесу
Кормила зайца карамелью...**

**Счастливый праздник – Новый год!
Сквозь влагу пенного бокала
В душе бурлит водоворот
Весельем детского накала.
Мы снова верим в колдовство
И в исполнение желаний,
И в искренность, и в торжество
Открытых дружеских посланий.**

**Одна минута... и рубеж ...
Мы замерли, как на параде.
Год Новый. Как он чист и свеж –
Как свет любви в любимом взгляде.**

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

**Всё засыпал нынче снег глубокий,
Где не чистили – утонешь с головой,
В белом инее наличник кружевной,
И венец алмазный над порогом.
Грустно возвращаться в дом одной,
Если даже завтра – выходной.
Скрипнула несмазанная дверь,
Заменяя звук живого слова,
Не поможет освящённая подкова
Позабыть смешную канитель
Доброты искрящегося слова.
И терзанья собственной вины,
И обид напрасные тревоги
Переходят в сон из тишины.
Утром над пушистым ожерельем,
Словно проблесковый маячок,
Бойкой птички яркий хохолок
Выманил во двор из снов
постельных.
Руки в шубу, до бровей – платок.
Выскочила в зиму. Обмираю
Пестротой сказочных чудес:
Пятками чернильными сверкая,
В корневике пня забился бес,
Холодком осколков в сердце Кая
Вспыхнул и погас зеркальный лес.
На верхушке розовой сосны
Белые снежинки заалели,
Вспыхнув первоцветами весны.
Может быть, крылатые метели
В вечное безмолвье улетели?
Утро гасит звёзды – фонари,
Глубиной фиалковой сияет
Небо, позабыв про февральи.**

***

**Я в мае родилась
У трёх берёз в палатке,
Мне первая гроза
Дарила первый гром,
И ландыш, наклонясь,
Кропил нектаром сладким,
И жадно я пила
Его весенний ром.**

Израиль

А не пей на дармовщинку!

Ещё один сумасшедший день подошел к концу. Постепенно всё смолкло, успокоилось. Сергей Петрович - старший прораб СМУ-8 стройтреста №-42, откинувшись в кресле и вытянув ноги, «переваривал» события прошедшего дня и потихоньку приходил в себя от пережитого.

- Петрович, ничё больше сёдня не будет?

- Не будет, не будет. Иди домой, отдыхай.

Крановщица Клавдия. Во заботливая какая, беспокоится, значит, не будет ли ещё машин с грузом. Ну, ушла, наконец-то, и она.

Сергей Петрович вернулся к своим невеселым мыслям. План, чтоб он горел синим огнем, а он, правда, и так горит, без всяких пожеланий, панели, кирпич, зарплата, инспекторские проверки и черт знает, что ещё. Как всё надоело, ни единого светлого «лучика» в «темном царстве» бытия. Он открыл стоящий в углу грубо сваренный железный ящик под названием «сейф» и достал оттуда папку с бумагами. Посидеть надо было, покумекать, подбить «абакки». Месяц подходил к концу и, как ни крути, а план неумолимо встал на горизонте.

В «сейфе» что-то стеклянно звякнуло... Петровича как огляло. Ёк - кувырок. Как же нет, есть, есть «лучик» в «темном царстве». Давненько уже заныкана была Петровичем бутылочка «андро-повки». Почагая, правда, остатки от последних возлияний по поводу чьего-то дня рождения. И как он мог о ней забыть! Недаром же говорят: «С этой работой всю пьянку забросишь».

Сергей Петрович, любовно оглаживая выпуклые бутылки бока, параллельно думал над тем, чем бы закусить. Обшарив тщательно ящики стола, он обнаружил в дальнем углу одного из них пластинку жвачки в иностранной упаковке, ну что ж, «на безрыбье...». Но тут на свет божий «всплыл» бутерброд с сыром, завернутый в клочок газеты. Свежим, надо полагать, он был недели три назад, а то и больше. Бутерброд так затвердел, что его смело можно было использовать в качестве «оружия пролетариата». А между тем на улице стемнело - сентябрь, рано темнеет на Урале.

Сергей Петрович закрыл снаружи ставни, заперся на ключ. В предвкушении выпивки расположившись в своем любимом кресле и «засмолил» папироску. Сверчок, прижившийся за железной печкой, робко попробовал голос, исполнил первую короткую арию. Это ж надо, где прижился, в конторке строительной, времянке. А что, за печкой тепло, уютно. Что зимой с ним будет, в морозы-то трескучие, да если вдруг «напругу» отключат. Жалко стало Сергею Петровичу сверчка, привык он уже к его «пенюю». Хорошо, тихо, никто голову не морочит. Редко выпадала такая вот минутка. План подождет, успокаивал себя Петрович, можно же иногда культурно отдохнуть. Но тут в ставни постучали.

- Петрович, ты здесь, что ли? Чего заперся? Открывай.» - раздалось за окном.

- Господи, кого ж это принесла нелегкая?

- чертыхаясь про себя, подумал Сергей Петрович.

- Петрович, открывай, вижу, свет у тебя горит. Чё молчишь-то? - не унимался кто-то.

- Нет, ну это ж надо, невезуха какая. Чистяков - черт вездесущий, едри его в качель. Учуял таки, чтоб ему... - прозвизжала неприятная догадка.

Прораб Чистяков Михаил Федорович. Обыкновенный на первый взгляд человек, но только на первый. Обладал Михаил Федорович редчайшей способностью, природным, можно сказать, дарованием. В любое время суток, при любых погодных условиях, при любом самочувствии он безошибочно определял, где предстает выпивка, и стремился туда с упорством и настойчивостью ищейки, уверенно взявшей след, даже если «объект притяжения» находился за километры, даже если весь его путь был устан «шипам и терниями». Шутки шутками, но это и в самом деле было поразительно. Только стоило «сообщить» кому на «пузырек», Чистяков - тут как тут. Человек курающийся, никогда не имел своего курева и вечная «стрельба» «папирёски», как он говаривал, стала его второй натурой. В «СМУ - 8» эти его качества были притчей во языцех и «намакивали» ему по-дружески, и напрямик говорили, но, как известно, «наглость - второе счастье».

- Ну, тут я, тут, чего тебе, чего шумишь?

- сдавленно ответил Сергей Петрович.

- Да, я это, про бульдозер хотел узнать. На школе надо шебен окучить, там уж ни проехать, ни пройти. Да ты открывай, чего ж через дверь-то говоришь.

- «Вот черт настырный, не отвяжется ведь, дался ему бульдозер, на ночь глядя. Придется, видно, открывать». - подумал Петрович и быстро стрелно попрыгал «следы преступления» в тайной надежде, что все ещё обойдется.

Михаил Федорович, войдя в пределы, зорко осмотрел обстановку, но ничего подозрительного

не заметил.

- «Неужто ошибся? Быть такого не могёт»...

- подумал он.

- Ладно, Петрович, доставай. Чё зажимаешь-то, чую я, «числитесь» у тебя. И эт, слышь-ка, папирёски у тебя не найдется?. Курить охота, аж уши опухли!

М-да. Не обошлось. Последняя надежда, что незванный гость с миром испарится, исчезла окончательно. Сергей Петрович расстелил на столе газетку и, скрепя сердце, выставил бутылку, два мутных граненых стакана и пачку «Беломора». Вздыхнув, шмякнул об стол скукоженный, как осенний лист, бутерброд. Только он собрался разливать, как в ставни громко постучали. Быстро пряча бутылку в тумбочку стола, Сергей Петрович прошипел: «Гаси свет!!!!!!!»

Сидя в полной темноте и затаив дыхание, они ждали, когда стихнет стук.

- «Вот так отдохнул культурно, сначала этот черт приперся, теперь ещё кого-то хвороба принесла». - подумал Сергей Петрович. Наконец, всё смолкло.

- Ну дак чё, пить-то будем? - прошептал Чистяков.

- Будем, будем, ты только свет не включай, а то ещё кого ни-то принесет.

Сергей Петрович правой рукой, нащупав в тумбочке бутылку, а левой - стакан, нацедил примерно половину и легонько пододвинул его «дорогому гостю». Михаил Федорович, имея в таких делах многолетний опыт, с одинадцати лет, рассказывал, уж прикладываясь, одним отработанным движением опрокинул содержимое стакана в рот, как в бездну... Что последовало за этим, Сергей Петрович не забудет до гробовой доски.

Крик укушенного в задницу орангутанга ничто по сравнению с тем, идущим из глубин организма, воплем, который огласил конторку и окрестности всего микрорайона! И как только стекла в домах не повывлетали... Ничего не понимающий и совершенно обалдевший Сергей Петрович на подгибающихся от ужаса ногах заполосно шарил руками по стенам в поисках выключателя. Когда, наконец, он включил свет, очам его предстала картина, достойная фильмов ужаса.

Михаил Федорович, блее мела, с выпученными глазами и торчащими во все стороны волосами (откуда, что и взялось), сидел на перевернутом стуле и сильно икал. Изо рта его, пузырясь и лопааясь, низвергалась на чудосочную грудь чернофиолетовая, булящая пена. В его, выдавшем виды желудке, происходила какая-то бурная, таинственная реакция. Нечто подобное Сергей Петрович видел недавно, на пожарных учениях. Одной вытянутой рукой Чистяков сжимал половинку бутерброда, другою - стакан с остатками чьего-то черного, ногами он судорожно стискивал стул. Приехавшие на «скорой» медики сколько ни пытались, так и не смогли извлечь ни то, ни другое, ни третье, так и повезли его на каталке со вздыбленными в небо вещественными доказательствами и стулом, зажатым между скрюченных ног.

Читатель, видно, терзается в догадках, что же такое невероятное случилось в тот злосчастный вечер на строительной площадке, в казалась бы, рядовой ситуации. А ничего сверхъестественного там не произошло. Просто рядом с бутылкой водки в тумбочке оказалась, вернее там всегда и стояла, точно такая же бутылка с жидкой чернильной пастой для пишущих машинок. Весьма едучая и пачкающая жидкость, которой пользовались строители для штампования накладных. Поскольку свет-то не включали... Остальное, думаю, в пояснениях не нуждается.

В больнице, куда привезли «пострадавшего», он облевал синей гадостью все, что только мог, и бедные нянечки, матерясь и проклиная чертовых алкоголиков, которые «вишь чё удумали, уже чернили пьют», целую неделю драили стиральным порошком полы и инвентарь.

Кстати, про инвентарь. Стул-то медики зажилили, не отдали. Сколько ни пытался Сергей Петрович выцарапать его, все-таки государственное имущество, ничего не получились.

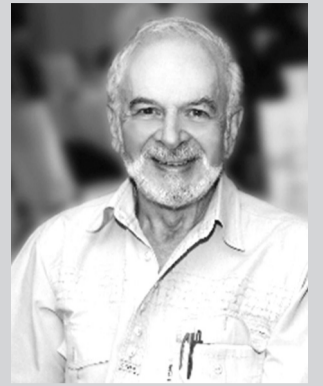
У них, видишь ли музей сопутствующих всяких вещей, вот стакан, бутерброд и стул заняли достойное место в его экспозиции. Для истории так сказать, а против истории разве поперешь.

Бедный Чистяков, после выписки, ещё долго ходил с синими, как у мертвеца, губами и пачкал фиолетовым цветом «места общего пользования». По поводу насмешек и подначек, так и говорить нечего, наслушался обидного, хоть на работу не ходи. Да, досталось мужику, не позавидуешь. А не пей на дармовщинку!

Беэр-Шева Юрий ПОДОЛЬСКИЙ.

Влад Спивак

Одессит, журналист-литератор, редактор и кинопродюсер. Профессионал - с пятидесятилетним стажем работы в печати. Учился в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова (1965 г.). Жил и работал - до переезда в Израиль (1997 г.) - в Кишиневе. Публицист, политолог и обозреватель, кинодокументалист. Публиковался в республиканских газетах и журналах Молдавии, в центральных московских изданиях и израильских СМИ. Автор очерков (в пяти публицистических сборниках), буклетов и девяти документальных фильмов. Соавтор художественно-документальной повести и одного из первых на постсоветском пространстве кинобоевиков - «Крысы, или Ночная мафия» (1991 г.). В разные годы был редактором: в Кишиневе - республиканской еврейской газеты «Наш голос», еженедельников «Телеграф - информ» и «Вестник предпринимателя»; в Беэр-Шеве - еженедельника «Южный обозреватель» и трех малоформатных городских газет, возглавлял пресс-центр городского Управления абсорбции.

Несколько необходимых слов...

Прежде, чем представить читателям подборку стихов Влада Спивака, хотел бы сразу заметить. Все стихи, вошедшие в сборник «ОТКЛИК. Мысль и чувство» (Тель-Авив, 2010), являются сугубо личным и своеобразным «Стихотворным дневником», который периодически вел автор со школьных лет.

Ни одно стихотворение - до настоящей книги - нигде и никогда не было опубликовано!

Из «Стихотворного дневника...»

*Чудес и тайн — так много на планете,
Их открывают и трактуют вновь...
Но вечно в жизни лишь одно на свете:
Времен не знает и границ — любовь!*

***

*Я не писал, а складывал стихи,
Не вдохновляли оды и поэмы...
Я не Поэт, чья лира — часть души,
А грех — лишь повод для рожденья темы.*

*Талант дар - нам не дано понять,
Стреножу чувства от турусов прозы,
Пытаюсь в рифме строгой мир познать,
Казнюсь без плача и смеюсь сквозь слезы.*

*В мехах кузнечных муза созревает,
И мысль кует весомые слова,
Струной натянута строка... Кто знает,
Как сердце пишет? - Тайна волшебства...*

***

По Ф. Т.

*Еще в душе любовь томится,
Но разум с сердцем путь итожит;
«Жизнь, как подстреленная птица,
Поднятье хочет, но не может».*

***

*И обмануть меня не трудно,
Я сам обманываться рад...
А. С. Пушкин*

*Пока живу — люблю!
И Бог дает мне силы.
Пока люблю — живу!
И мне не ведом страх...
Постиг я тайны в письменах Сибиллы,
И приговор прочел в твоих глазах...*

*Страдаю, мучаюсь, грешу и каюсь,
Но жажда веры неизбывна и сильна.
Песнь лебединая... - С тобой прощаюсь,
Постигнуть не могу, кто прав и чья вина?*

*Но знай, пока дышу —
нет никого дороже:
Кто любит, тот не грешен, - мой зарок!
Душой становишься светлее и моложе,
Забыв, где добродетель, где порок...*

*Терзаюсь от потерь и от открытий,
Ведет неужто по дороге в Храм —
Не Божий промысел, не рок событий,
А душу возвышающий обман!?*

***

*Мне не забыть тот давний год
И день свиданья у чужих ворот,
И ночь ту звездную, и тень в окне,
И тьму капризов, непонятных мне...*

*Земля и небо, горы и пески,
И радость встречи с привкусом тоски —
Все это ты... Мадонна на пиру,
Жар-птица в сказке и сова в бору.*

*Ищу тебя и жду, и нахожу,
И вновь теряю, и с ума схожу...
Грешу и каюсь, и себя кляню:
За что — не знаю, сердце-то в плену.*

*Ты — мой мираж... Но если вдруг уйдешь,
Не отрекись, и вряд ли ты поймешь,
Что ты всегда со мною и во мне,
Как ночь та звездная и тень в окне...*

с.28

***

*И я уже с тобой. Как ночь нежна!
Дж. Китс, «Ода соловью».*

*Как ночь грустна! Как ты тревожна?!
Ушла меж звезд, в дымке скользкая...
Мне быть счастливым невозможно,
Несчастной быть — тебе нельзя.*

*Не верь, что Книга Судеб ложна,
Что жизнь — мышьяная возня...
Да, чувство подавить возможно,
Не думать о тебе — нельзя.*

*Давайте жить неосторожно:
Любить — не всем дано, друзья!
Сказать «Прощай!» - до боли сложно,
И разлюбить тебя — нельзя...*

***

*Боюсь влюбленных до безумия,
Как и тюрьму благоразумия...
с.29*

Что лучше?

*Живешь в согласии с собой?
Журавлик в небе серебрится,
Покладиста в руках синица...
Что лучше - в клетке иль с мечтой?*

*Живешь в разладе - сам не свой?
Журавлик в небеса стремится,
В руках печалится синица...
Что хуже - в клетке иль с мечтой?*

*Живешь, как все, и Бог с тобой!
Журавлик в небе только снится,
Покой, уют и ждет синица...
Надежней - в клетке, чем с мечтой?*

*У сердца в клетке ритм иной...
Забыта сказка и жар-птица,
А всё ж любовь еще томится -
Между свободой и мечтой!
Живешь на бис - и черт с тобой...*

***

*Поэт от Бога избалован рифмами,
Но не жалеете слов, его хваля.
Как лодка в море - одинок,
меж рифмами
Плывет без компаса и без руля.*

*Поэт от Бога — это вся вселенная,
Любовь и честь, и лира вдохновенная,
Свобода, совесть, грех и наслаждение,
И замыслов высокие пробуждение.*

*Поэт от Бога — что душа нетленная,
Жива надежда — прочь хула презренная!
Добро и боль, и вера, и сомнение,
И зло, и милость, только - не забвение...*

***

*Какая ночь! Луна по морю
Дорожкой ртутной серебрилась.
И звездами в немом просторе —
Большой Медведицей искрилась...*

Вера Зейдель

Я родилась и выросла в Украине. Сейчас проживаю с семьёй в Израиле.

Ноа 1

Ноа любит стоять на высоком холме и смотреть на море, с трепетом ожидая очередного заката, в такие минуты кажется ей, что Светило, бесценное Солнце, навсегда уйдёт под воду. И каждый раз так сильно бьётся её сердце, что стук его она ощущает во всём теле.

Море сурово. Оно в постоянном волнении. Ноа привыкла наблюдать за седыми волнами-великанами, они её не пугают, но всё ближе и ближе вода подбегает к родному Астосу.*

Ещё Ноа, очистив котёл, в котором она же готовит еду для бабки Наи и двух старших братьев, посыпав земляной пол свежей травой – всё на ней, но она не унывает, работа в радость, обожает всматриваться в голубизну неба, в облака, плывущие в неведомые ей дали.

Когда наступает очередная ночь, Ноа разговаривает со звёздами, и иногда они подмигивают ей, словно считают её ребёнком. А это не так – она взрослая девушка. Недавно наступила её двенадцатая весна. И суровая Ная выдаёт Ноа замуж: в бескрайней пустыне отыскала она для неё суженого.

И идёт сейчас, преодолевая песчаные бури, к морю караван. А вездесущий ветер доносит запах костров – значит путники близки к цели.

Жених отдаст старухе Нае стадо овец и наилучшего верблюда, сама выберет, потому что Ноа молода и красива, а её будущий хозяин и повелитель – старик: он уже прожил целых сорок вёсен.

Ноа не хочет покидать крепость, в которой находится всё, что дорого юному сердцу: и её жилище и море, и холм, и бездонный колодец – именно ему на рассвете поверяет она свои девичьи секреты.

Если бы отца не забрало море, а мама, весёлая певунья Ноэми, вслед за ним не ушла бы в Царство Теней, оттуда ещё никто не возвращался, то Ноа осталась бы дома. Так ей кажется...

Скоро уйдёт Ноа с караваном в глубь пустыни. И будет трудиться от зари и до заката, и рожать, сколько ОН предпишет, а потом и она попадёт в Царство Теней, так было, так есть и так будет...

* Астос – крепость, на месте которой и возник Аидод.

Ная 2

Сидит старая Ная у давно погасшего очага. Головой покачивает, думы разные думает. Ушёл караван, а с ним и радость её жизни – Ноа. И померк в глазах Наи свет. Ноа... Мечтательница Ноа. Без неё опустело сердце Наи...

Когда-то давно, много вёсен прошло с тех пор, была и Ная молодой, красивой, счастливой. И стояла она на холме, и смотрела, не отрывая взгляда, на море, ожидая с удачным уловом жениха. И со звёздами говорила. И колодцу, как другу, поверяла свои тайны...

Но однажды пришли из пустыни лихие люди, угнали скот, убили родителей Наи, и её любимого моряка не пощадили, и его братьев, и ещё много мужчин было уничтожено ими.

А женщин насильовали. Поиздевались и над Наей, но она не ушла, как другие, в Царство Теней, а родила весёлую Ноэми, а та – Ноа и сыновей.

Налетали кочевники, высаживались на берег пираты, зверствовали, а потом, вопреки горю, рождались дети. И матери растили их. Так было всегда...

Сейчас братья Ноа в море. Скоро наступит время Большого Базара. Продадут они овец и верблюда, полученные за Ноа, засватают, как положено, выбранных Наей девушек, она старшая в роду, ей решать за всех, и построят свои жилища. И их жёны будут трудиться рядом с мужьями, и рожать дочерей и сыновей, а те – продлевать род свой, и жить, и переходить в положенное Судьбой и Богом время в Царство Теней.

Знает суровая Ная тайну Жизни: так было, так есть и так будет...

Ноа 3

...Тот же холм*, то же море, песок, приливы и отливы. И она, Ноа, по-прежнему глядит в даль. Но Ноа стара – прожила целых пятьдесят вёсен...

В родном Астосе никого не признала, да и её никто не узнал. Сверстники Ноа покинули Мир Живых, а братьев, как и её отца, вероятно, поглотило море, оно всегда забирает тех, кто его боготворит...

Ноа радуется последней встрече с прошлым. Скоро караван, с которым она пришла в родные места, тронется в обратный путь, она могла бы остаться здесь, но её родиной стала Пустыня.

Пустыня... Вся жизнь прошла в ней. Мужчину, которому отдала её Ная, был добр и нежен с Ноа. Она привыкла к нему, по-своему полюбила. И страдала, когда после укуса ядовитой змеи он покинул её.

Они кочевали по Пустыне. Перегоняли стада овец, лошадей и верблюдов на новые места в бесконечных поисках корма для животных.

Дом – натянутая на высокие шести ткань. Очаг – костёр. На рассвете нехитрое жилище складывалось до следующей ночи.

Большой Базар всегда приносит с собой новости, общение, веселье, выгодные сделки. Так и жил народ Пустыни от Базара к Базару...

Ноа трудилась, не покладая рук, готовила на огне еду, выхаживала ягнят, рожала детей, но они покидали родителей, не дожив до первой своей весны.

И только дочь Ная выжила, выросла и родила хохотунью Ноэми. Ноа не выбирала жениха для дочери. Решила: пусть сердце Наи само подскажет, с кем зажить семейный костёр.

Конечно, Ноа тосковала по морю, по сердитой старухе Нае, по родной крепости. Но шло время. И прикипела она душой к Пустыне: к обжигающим ветрам, горячему песку, к ночным крикам шакалов, к оранжевым скалам, причудливым форм, к мелким, редким цветам красной, желтой, сиреневой, белой окраски, появляющимся под камнями после нечастых дождей.

Пустыня давным-давно стала её Домом...

Ноа ни о чём не сожалеет. И в мыслях не корит суровую Наю.

Ноа досталась трудная, но интересная жизнь. Скоро она окончится, потому что у всего имеется начало и конец, так было, так есть и так будет...

* До нашей эры.

Ная 4

...Ная стара, живёт она долго на этом свете: уже прошла её восьмидесятая весна.

Во все времена любила Ная смотреть на море. И думать, и вспоминать, и мечтать...

В юности, стоя на холме рядом с поросшей дикой травой древней крепостью, встречала она восходы, любовалась удивительной красоты закатами.

На прибрежном песке чертила палочкой своё имя. А гигантские волны, с грохотом накатывая на берег, смывали буквы. И девушка, смеясь, вновь писала: «Ная»

Ещё в детские годы поинтересовалась, почему женщин их семьи называют такими именами. Её мать, Ноэми, пожилая плечами, сказала:

- Так было всегда...

Всегда. Она верила матери. Всегда. Но у неё самой рождались сыновья. А у тех – свои. И лишь сейчас правнучка Ноа порадовала сердце старой женщины.

Ная знает: у Ноа когда-нибудь будут дочери и внучки, и правнучки, и... потому что так было, так есть и так должно быть...

Регина Каплун

Родилась в России. Уже много лет проживаю в Израиле. Люблю поэзию, музыку, живопись. На сайте stih.ru размещаю свои работы под псевдонимом Дина Ясная

А здесь Восток...

А здесь Восток. И солнце поцелуем Ласкает утро, разливая сок. Вишнёвый сок, как губы. Аллилуйя! Поёт земля. И греет ступни ног Её тепло, и радует цветенье, Переплетенье звуков певчих птиц, И пестрота нарядов. Мельтешенье Оттенков кожи чёрных, белых лиц. Восточный рынок. Полон он соблазнов – Весь сотканный из чудных, дивных снов. Он узнаваем. Мир из детских сказок Об Аладдине, Муке. Сколько слов Растает здесь в тончайших ароматах, Запутается в улочках, дворах. И настороженно идёт на мягких лапах За дичью тень, с улыбкой на устах. В садах – плоды, созревшие на ветках, Налитой тяжестью всё просятся к рукам И сквозь листву, зелёной нежной сетки Чуть дышит ветер лаской по щекам. И слышен звук тарбуки колдовской. Он словно медитирует руками И ты уносишься, войдя в него душой, За перьями в небе облаками. Но здесь Восток... и в венах горяча Струится кровь.

Здесь вспышкой опасность. И могут нож всадить... и вот свеча Уж поминальная горит. Она причастна К тому, кого оплакали. Лишь боль На кончике огня всё плавит память. Ведь здесь Восток. Вся суть его и соль. Ласкает он и очень больно ранит. Здесь прямо не звучит ни “да”, ни “нет”. Как ящерики скользят в звучанье смысла. Здесь не дадут прямой тебе ответ. И мудрость ищет осознания мыслью. Ведь здесь Восток.

Меж смертью нить и жизнью.

На острове моём...

На острове моём который день Беснуется, ликует непогода. И каждый житель для неё – мишень. На каждого без зонтика – охота. И сломанные остовы нестрят Вдоль тротуаров, в урнах, на дорогах. Столбов фонарных мокнувший отряд Взирает светом на прохожих строго. Вздвываются на лужах пузыри. Дожди, дожди по крышам и по окнам. И так вот от зари и до зари Мой бедный остров

в струях ливня мокнет. Но вот мне улыбнулся друг, второй, Сестра и дочь, и близкая подруга, И солнце появилось за чертой – За горизонтом рыжим полукругом. Запели птицы, высохла трава, Цветы благоухают ароматом. И не нужны волшебные слова. Достаточно улыбки с тёплым взглядом.

Сезон дождей

Музыка ветра звонче. Как колокольчик, капли. Пальмы ласкают крылья Птиц, прозевавших дождь, Бережно укрывая Листьев своих ладонью. Больше не пахнет пылью. Только по лужам – дрожь.

Важно ступает цапля. Чибиса крик простужен. На остановке жмётся К стенке промокший кот. Зонтиков пёстрых стая Всюду плывёт потоком, И по ним ветер трётся Спинкой. Вот обормот!

Время вдыхать всю свежесть И отдыхать от солнца, Пить и тянуться кверху, Пёрышки в лужах мыть. И в отраженьях марта Небо глядит с любовью. Мир ставит снова вежу С надписью: “Будем жить!”

Марк Луцкий

УТРЕННЯЯ РЫБАЛКА

Вы любите следить за поплавком? Когда в заветной заводи, в июле Края у сонной речки затонули, Затянутые бледным молоком,

Когда повсюду розоватый свет, И облака, повиснув над водою, Хотят украдкой захватить с собою В реке застывший леса силуэт,

Когда еще не слышен птичий гам, И петухи в деревне не запели, А солнца луч лениво, еле-еле Скользит по недописанным стихам,

Когда разлита в мире благодать, Когда лишь начинается погода, И умиротворенная природа С постели мягкой думает вставать...

И в этот миг чуть вздрогнет поплавок, И враз нырнет рывком в струю тугую, И леску вдруг заводит, как живую, Тигровый красноперый окунек!

СЕНТЯБРЬ

Видна повсюду осени работа – В лесах повисла паутинок сеть, И кулики, хвалившие болота, С любимых мест готовы улететь.

И бодрый ветер весел, не простужен, Вершит роман с промокшею тропой, И облака, заглядывая в лужи, Как в зеркала, любуются собой.

Осина пламенеет возле дома, Прошлась с постаревшею листвою, А в огороде пахнет столь знакомо Картофельною бурюю ботвой.

Кружит устало желтых листьев стая, Минорный создавая колорит, Грядет октябрь, и роша золотая Есенинским стихом отговорит...

СТИХИ О ПОЧТАЛЬОНЕ

Всю войну на нашей улице проработала почтальоном женщина по имени Матрёна. Наши матери и бабушки звали её Мотей, а мы, ребята, – тётей Мотей.

Немели женщины и дети, Надежд и ужаса полны, Когда со стороны Исети * Шла почтальон, связной войны.

Она шагала отрешенно, Казалась нам Судьбой она, С разбухшей сумкой почтальонной, Той, что наполнила война.

И кто погиб на вражьем дзоте, Кто снова получил медаль, Все были в сумке тети Мотей, Смешались радость и печаль.

И матери, зажав платочек, Со страхом ждали у ворот: – Ну, как ты там? Ты жив, сыночек? Что нынче мне судьба пошлет?

Иль радость озарит улыбкой? Иль страшной болью всю сведет? И женщины, как перед пыткой, Глядели вдаль за поворот.

О, сколько им придется плакать! Какой еще смертей поток! Шла наша армия на запад, А похоронок – на восток.

Нет, эту память не сотрете, Со мною прошлое мое ... О, как мы ждали тетю Мотю! О, как боялись мы ее!

* Исеть – река на Среднем Урале

Детская страница

ПОСОХ

Жил-был на свете мальчик Темка. Так получилось, что семья у него была небольшая. Он да его дедушка. По-разному бывает в жизни...

Жили они душа в душу! Лучшего деда было не найти, он мог ВСЕ! На санках с ним покатаются, на рыбалку сходить, в машинки на полу поиграть и сказки на ночь почитать! А какие блинчики он мог печь! Пальчики оближешь! Но самое главное, дед был плотником! Какую только игрушку Темка не захочет, так дедушка за день-другой вырезал ему из дерева. Кого у него только не было в коллекции! И лягушка-царевна, и дровосек, и царь-Салтан, и муха-цокотуха...

"Посох"

Рисунок Дмитрия Ильина

- Ты самый лучший дед на свете! - постоянно твердил ему внук, уплетая очередной зорчатый блинчик.

Пришла пора идти Артему в школу. Он хорошо учился, у него появилось много друзей. Совместные игры с дедушкой уходили на второй план. Но со второго класса внук все дальше и дальше отдалялся от него.

- Дед, ну ты что, не можешь подсказать мне решение этой задачки? - спрашивал он недовольно деда. - Вот у Витки дед, так дед, профессор! Все ему подсказывает!

Дедушка молча лез в начало учебника, вместе с Темой начинал изучать предыдущий материал, и, конечно же, решение находилось!

- Дедушка! Есть хочу! - крикнул внук, придя пораньше со школы.

- Сейчас погоди, приготовлю тесто, напеку твоих блинчиков! - ответил ласково дед, прилаживая его вихры на затылке.

- Вот у Саньки дед, так дед! У него рестораны блинные, заходи и ешь, ждуть не надо! - опять недовольно пробурчал внук.

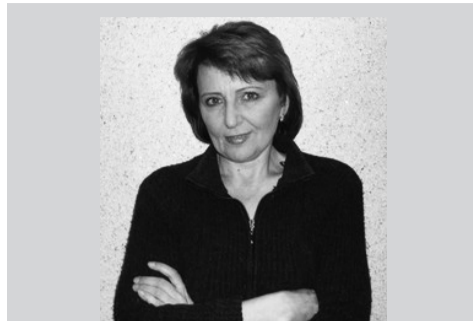
Горько было делу, он был всю жизнь плотником, а по утрам еще дворы подметал - подрабатывал. И Темку как раз нашел в одно зимнее темное утро, когда вышел с лопатой разгрести снег. Слава Богу, что его еще в одеяльце оставили, несколько часов от роду. Выходил его тогда дед всеми ведомыми и неведомыми путями. Не знает ни о чем мальчик, и как дорог он уже пожилому человеку. Дороже, чем матери собственный ребенок! Сколько еще времени пройдет, пока внук поймет, что самое главное на свете - это любовь!

Наступили зимние каникулы. Дед знал, что Темка очень хотел настоящего Деда Мороза, или Санту что ли, ну, который еще светится, пляшет и песни поет. Только откуда такие деньги?! Взял он с десяток деревянных игрушек и понес на базар. Выложил на тряпицу, в надежде выручить немного денег на подарок. Вдруг перед ним остановился высокий худощавый мужчина и тросточкой, показывая на игрушки, спросил: «Эта чей письмо? Чей рука, позволяете узнать?» Еле понял дед, что от него хотели. «Да, я это внучку все делаю», - ответил он.

- Вы знаешь, папаша, это есть перфектно! - господин говорил незнакомые уху деда слова. - У меня имею экспонатный зал, сейчас проходит интернациональная выставка «Игрушки мира», а их брат конкурс! Это будет нонсенс! Вы есть свой стиль, - он вручил деду визитку и начал собирать игрушки. Тот не успел опомниться, как игрушки оказались в саквояже у неизвестного. «Как вас звать?» - садясь в машину, напоследок спросил он. «Никаноров», - успел крикнуть «обобранный» дед.

Расстроенный и растерянный пришел домой. Оставалось три дня до Нового года. Ни денег, ни подарка. Он уложил Темку спать, а сам всю ночь строгал на кухне своего Мороза - Санту! Дерево как пластилин было в его золотых руках...

И вот она - долгожданная Новогодняя ночь. После боя курантов Темка сразу побежал в свою комнату в надежде, что увидит настоящего Санту. Вместо этого он, как всегда,

Лидия Гусева

По образованию педагог и журналист. Сказки начала писать с 2007 года. Являясь членом Международного творческого объединения детских авторов.

увидел деревянную игрушку - деда Мороза, держащего в руках посох и шерстяной носок с конфетами за плечами. Жалость к себе самому перехватила дыхание, и мальчик в сердцах бросил игрушку на пол. Уткнулся лицом в подушку и беззвучно заплакал.

Вдруг в темной комнате стало необыкновенно светло. Темка распахнул глаза и... увидел настоящего пренастоящего Деда Мороза!

- Что ж ты так уронил меня? И посох сломал. Как теперь я буду чудеса делать, ведь посохом надо стучать! - сказал он.

Рисунок Дмитрия Ильина

- Дедушка, прости меня, прости, - еще горше заплакал мальчик. И тут Темка начал рассказывать Деду все, что накопилось. И что живут они бедно, что у друзей дедушки - профессора да бизнесмены, и что смеются над ним ребята. А под конец набрался смелости да и говорит: «Вот, если бы ты был моим дедушкой!»

- Ну а как же твой родной дед? - спросил строго Дед Мороз.

- Я его очень люблю, но он всего лишь плотник, - разочарованно произнес Артема.

- Значит, только он мне может помочь починить посох! - вздохнул Дед Мороз.

- Ты не бойся, дедушка проснется завтра и починит! - заверил его Тема.

- Нельзя мне быть дедом только одного мальчика, все детишки для меня - внучата. Но сейчас я ничего не смогу сделать для них без посоха. Хочешь не хочешь, а придется быть только твоим дедом до утра! Что ж, давай хотя бы навестим ребят! - И Дед Мороз с мальчиком отправились в путь.

Сначала они объездили все детские дома. Ой, как горько было смотреть Темке на детей, у которых не было родителей и даже дедушки не было. И в Америке, Азии, и в Африке побывали. В одном селении была засуха, и дети умирали от жажды. А Дед Мороз только смотрел на них и ничего не мог сделать, посоха у него не было. Расплакался навзрыд Темка и говорит Морозу: «Не надо ждуть утра. Поехали домой. Я сам попробую выстрогать тебе посох!»

Мальчик быстро вскочил с постели и прямоком на кухню. Этот раз он строгал эту ночь. Под утро управился, зашел к себе в комнату, приладил к руке Мороза посох и счастливый заснул. Теперь все будет в порядке!

Запах блинчиков с кухни разбудил его. Темка вбежал на кухню, но сначала залпом и с наслаждением выпил большую кружку воды, потом обнял деда: «Ты у меня самый лучший дед на свете! Я тоже буду плотником!»

Позавтракав, они уселись перед телевизором смотреть новогодние программы. Начались новости. На экране, вдруг появились дедушкины игрушки. Голос диктора вещал: «Лучшими признаны деревянные игрушки мастера Никанорова из Подмосковья - уникальные образцы русского деревянного зодчества. Сам Дед Мороз из Великого Устюга возглавлял жюри». И тут Дед Мороз вдруг подмигнул Темке с экрана и сказал: «Если есть внуки у такого Мастера, то они самые счастливые!»

Пусть будет так!

До Нового года оставались считанные дни, и на ночных улицах города, совсем не страдая от одиночества, блистали огнями ёлки. Почти все они были искусственными, но очень гордились ролью главного украшения праздника. Они просто трепетали от волнения!

Город спал. Даже вокзал, днями похожий на муравейник, лениво звал пустой площадью и заснеженными перронами. Падая снег. Вечно пугливые снежинки осмелели в полном безветрии и, сияя от восторга, грациозно планировали туда, куда им заблагорассудится, но так ровно, что даже искусный мастер не сделал бы лучше. Кто их этому учил?

Что-то объявили по радио. Раскрылись двери вокзала, показались сумки, чемоданы, лыжи и люди с сонными лицами, равнодушные к окружающей красоте ночи. Детишки вяло плелись за взрослыми, удивленно хлопая глазенками, и у всех на лицах было написано одно: сейчас заплакать, или ну его? От этого раздумья даже зевать не очень хотелось.

Из толпы выделялся один пассажир. Он шёл спокойным, лёгким шагом, хотя на вид ему было уже немало лет. Большая, пузатая сумка, казалось, была для него невесомой. С улыбкой он наблюдал за всем, что творилось вокруг. Погода ему явно нравилась. Внезапно он тихо, словно самому себе, произнёс: «Пусть будет так!» и остановился около своего вагона. Незнакомец стоял и смотрел, как его соседи входят в вагон, а сам не спешил. Он был похож на учителя в коридоре школы во время перемены, когда никто сильно не шалит.

Подошла его очередь. Проводница Лена, девушка с виду строгая (ведь это была её первая поездка), проверила билет и попросила: - Будьте любезны, уважаемый, предъявите ваш паспорт.

Пассажир достал из кармана паспорт и протянул девушке. Лена стала внимательно изучать документ, но вдруг её брови поднялись вверх, в зелёных глазах мелькнуло удивление, а в голосе появились твёрдые нотки:

- Гражданин, мне нужен ваш настоящий паспорт, а не шуточный!

- Да в чём же он шуточный, милая хозяйюшка? - ласково улыбнулся человек и подошёл поближе.

- Но вы же видите, - голос Лены снова повеселел, - тут написано, что вы - Дед Мороз! Разве это не шутка?

Мужчина мягко возразил: - В паспорте есть моя фотография, все печати и подписи. Почему вас не устраивает моё имя?

- Но ведь Дедов Морозов в жизни не бывает! - в голосе Лены зазвучала обида, - или вы принимаете меня за ребёнка?

Рядом послышался хруст снега и голос: - Что случилось, граждане? Нужна помощь?

Перед ними стоял молодой, спортивного вида человек в милицеейской форме. Он молдцевато отквырзал и представился:

- Сержант Незабудкин! Чем могу служить?

Проводница Лена облегчённо вздохнула и рассказала представителю закона суть дела. Незабудкин тоже внимательно изучил паспорт, лицо пассажира, подумал немного и заявил:

- Документ настоящий, но имени такого не может быть!

- И что вы намерены предпринять? - улыбаясь спросил пассажир.

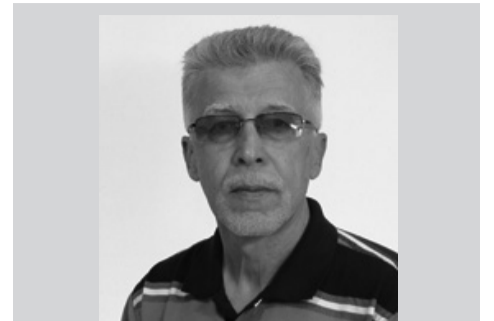
Сержант задумался. Он был уже опытным сыщиком. Прошлой весной Незабудкин распутал очень сложное дело, связанное с фальшивым отличником Васей Брюлькиным. Вася специализировался в подделке документов. Он целый учебный год переправлял единички и двойки на пятёрки, причём делал это так виртуозно, что даже в школе его считали круглым отличником! Сыщик три дня просидел в засаде за водосточной трубой на уровне шестого этажа и заснял на кинокамеру все противоправные действия Васи. Он сумел убедить педсовет, что фальшивоотличник Брюлькин должен быть оставлен на второй год.

Но здесь совсем другое дело! Паспорт настоящий! И всё же очень подозрительно. Дед Мороз! Даже за границей нет таких имён!

- Позвольте, уважаемый, задать вопрос, - сказал, наконец, сержант, - Дед Мороз во всех оперативных сводках описывается с бородой, а у вас, любезнейший, таковой нет!

- Молодой человек, в ваших сводках, вероятно, нет упоминания о том, что у Деда Мороза борода и усы вырастают за час до детского утренника. После праздника мы бреемся и ничем не отличаемся от других мужчин.

Милиционер с сомнением покачал головой: - Не верю, чтобы борода могла вырасти всего за один час. Вот у меня она только чуть

Владимир Колодкин

Живёт в г. Слободском Кировской области. Врач, детский автор. Член МТО ДА и член Международного союза писателей «Новый современник»

появляется через неделю после бритья, - сказал и смутился, слегка покраснев. Он всё ещё стеснялся своей молодости. - Или здесь опять какое-то чудо?

- Вы угадали. Борода Деда Мороза волшебная. Если на неё упадёт хоть одна снежинка, тут же исполнится желание одного ребёнка. Согласитесь, что эти чудеса можно делать только в праздник, когда закончена учебная четверть в школе. Иначе, все дети без всяких усилий закончат четверть только на пятёрки. А это неправильно. Вспомните Васю Брюлькина.

У Незабудкина широко раскрылись глаза. Слегка заикаясь, он тихо произнёс:

- Как вы узнали про Васю? Ведь это тайна следствия!

Дед Мороз только улыбнулся. Некоторое время все молчали, потом Лена подключилась к расследованию:

- А почему вы без Снегурочки?

- У моей внучки ещё не закончились занятия в школе. А мне надо навестить детей, которые родились в прошлую новогоднюю ночь и не получили подарка ещё за тот Новый год. Видите, этих подарков целая сумка.

- Да-а, - протянул сержант, - и всё же как быть с инструкцией? Всё как-то нереально... Сказка, да и только!

Дед Мороз снова улыбнулся: - А разве не в сказочном мире мы живём? Вы только посмотрите вокруг!

Молодые люди взглянули в сторону и замерли... Всё сверкало ослепительной белизной! И на эту сияющую гладь удивлённо пялили жёлтые совиные глаза зачарованные фонари. В небе кружились, танцевали, веселились пушистые снежинки, и от их мелькания хотелось прищурить глаза, как это сделала едва заметная в сероватой дымке луна.

- Да-а, повторил сержант, - похоже на сказку!

Проводница Лена молчала. Она уже вся была в сказке и видела себя в роли Снегурочки на сцене Большого театра...

Дед Мороз прочитал её мысли и очень тихо шепнул: «Пусть будет так!»

Незабудкин больно ушпнул себя за ухо, громко сказал «Ой!» и окончательно убедился, что всё происходящее - сказка. Ну, разве может на самом деле человек в форме, находясь в общественном месте при исполнении служебных обязанностей, кричать «Ой!»?

- Счастливого вам пути, уважаемый Дед Мороз! - сказал, наконец, сержант, лихо козырнул и зашагал вдоль состава, разводя на ходу руками и покачивая головой.

- Хороший паренёк! - подумал Дед Мороз. То же самое подумала и Лена, только с лёгкой грустью...

А Незабудкин шёл через снежное облако. Маленькие звёздочки сыпались на него и скатывались вниз. Наконец, две самые ловкие упали на плечи, уцепились за погоны и будто приклеились к ним.

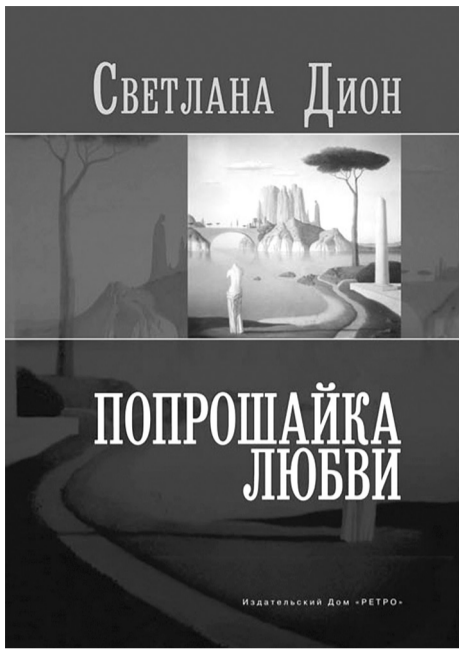
- Пусть будет так! - прошелестело в снежной тишине. Лена приветливо улыбнулась дедушке и проводила его до места. В её движениях появилась необычная грация, а в голосе - глубокое, волнующие оттенки...

Поезд набрал ход и стремительно летел среди заснеженного сказочного леса. Весь вагон спал. Пахло мандаринами, шоколадом и чудесами. Людям виделись добрые, сказочные сны. Даже вратарь футбольной команды, победитель конкурса «Лопух года», который по ночам то и дело дёргался и вскрикивал, пропуская мячи в свои ворота, в эту ночь улыбался во сне. Ему снилась мама, к которой он ехал погостить.

А ребяташкам снился Дед Мороз с бородой и усами, с подарками и чудесами. Они так ждали встречи с ним! И никто не мог представить, что этот добрый волшебник едет в соседнем купе.

И только рой снежинок кружился около оконного стекла. Баловницы легонько постукивали в окошко, подмигивали блёстками, словно хотели сказать: «А мы-то всё знаем!» Но даже они не знали, что утром каждый ребёнок найдёт около подушки волшебный леденец, съев который он станет всегда здоровым, весёлым и счастливым.

Пусть будет так!

Градусник Мужества

Отрывок из романа ПОПРОШАЙКА ЛЮБВИ.

звук «Аммм!». Нечто среднее между «ай» и «мама!». На середине удара, вернее, эха от него, потрясшего все тело, мне все же удалось снова закусить непослушную мокрую от крови губу и не дать ей договорить «ама».

Кстати, «ам» вовсе и не был новым, избранным мною звуком. Его произносили каждый раз, держа меня за обе щеки, — чтоб я не выплюнула набитую в рот кашу, которую я стойко не желала глотать, несмотря на бесчисленные «ам» мамы и бабушки. Силы воли у меня обычно хватало не больше чем на пять «амов», так как мой постоянный, измотавший всех насморк — по рассказам кормившей меня бабушки, — не позволял мне дышать через нос.

Никто из взрослых и не подозревал, что количество «амов» имело прямое отношение к количеству красных полос на моих ягодицах после той знаменитой первой порки, во время которой я убедилась, что мужество мое можно измерить и что равно оно пяти, а сила воли — это ловкость закусывать нижнюю губу и не дать ей вырваться, чтобы не произнести ни звука.

В мужестве в тот год я упражнялась все лето. Мои стоические пять «амов» окончательно извели бабушку, занятую дачниками. Когда я расшибла себе левый висок, ударившись об угол скамейки, она пожаловалась родителям, что ей за мной не уследить. Окончательно бабушка сдавалась после того, как меня доставили в местную больницу с необычным диагнозом: «села на пень». Дерево было спилено неровно, и острые зазубрины яростно впились в мои уже настрадавшиеся в то лето ягодицы. Бабушка позвонила маме в город и сообщила две новости. Первая, что я села на пень, но моя невинность, по заключению областного врача, не пострадала. Вторая, что меня срочно следует «снять с ее шеи» и определить в круглосуточный летний детский сад через дорогу от дачи.

«Сама себя высекала», — строго сказала мать, когда я, висая на калитке детского сада, стала громко ныть, будучи не в силах бороться с горечью первого расставания. Меня покинули против моей воли.

Высокие фигуры родителей исчезли за поворотом. Я осталась совершенно одна.

Все еще всхлипывая, но уже тише — только для самой себя, я успокоила себя тем, что здесь не будет ни «амов», ни капроновой сетки из-под картошки, заменявшей отцовский ремень. Видимо, ремни деда бабушка не хранила после его смерти. Не будет и крапивы, заменявшей сетку, если та была занята картошкой.

«Не буди здесь и няню», — подумала я и почувствовала странную резь в горле. Я закусила губу. Не успев досчитать и до четырех своих обычных «мужественных пяти», я почувствовала во рту не сладковатый знакомый привкус крови из истязаемой губы, а соленый и горький. Слезы текли по щекам, попадали в рот и точно собирались в горле, где защемила моя тоска по няне.

Я огляделась — вокруг не было ни души. Только лес за калиткой и пустая поляна с кочками и песочницей позади меня. Я выпустила губу на волю и стала громко всхлипать, не закрывая глаз. На всякий случай: вдруг кто-нибудь услышит? Боль из горла поползла вниз и исчезла в животе.

Мне вдруг почудилась мама, выглянувшая из-за кустов за поворотом дороги, но только на миг. Потому что в тот момент меня потрясло новое открытие: оказалось, что когда мужества хватает меньше чем «до пяти обычных», то, заплакав, можно пережить боль и утопить ее в животе. Но только если вокруг никого нет и плакать можно в слух.

«Значит, хныкать можно, только когда я одна, — а при всех нужно закусывать губу и считать... до пяти, — объяснила я себе на будущее и дала клятву, что — «когда вырасту, научусь считать до ста».

И тут меня осенила догадка: «Мне сейчас — пять лет, и я могу досчитать мужество до пяти. Каждый год я буду прибавлять мужество на один и стану очень сильной. Интересно: знает ли об этом моя бабушка? И до сколько считает мой папа? И вообще все взрослые? И все ли они знают, что надо считать мужество при всех и тогда можно продержаться и не дрогнуть. — Не показать свою слабость. И никто не заметит, что на самом деле очень больно. А может, не все взрослые «считают»? Вот няня, например, наверняка не считает». При мысли о няне боль спохватилась и поползла из живота к горлу. «Надо научить ее считать хотя бы до трех», — пообещала я себе, вспомнив, что глаза няни всегда становились влажными, когда она меня обнимала.

Я решила отвлечь себя от одиночества этой игрой в мужество и стала вспоминать всех знакомых взрослых: «Интересно, до сколько сумела досчитать моя солнечная Ангелина, перед тем как одновременно с первым ударом ремня хлопнула за ней и за «мужем Женей» дверь?» Я задумалась. «Змеёв было пять. Уда-

ров тоже. Лет мне пять. И мужества моего тоже пять. И начну его прибавлять на один в каждый день рождения», — снова поклоняясь я себе торжественно, потеряв на ходу мелькнувшую догадку о неслучайности совпадений на много лет вперед.

Я сползла с калитки и присела на корточки. Прутиком начертила длинную линию и разметила на ней цифры от одного до десяти. Рядом написала имена взрослых родственников, начиная с няни. Напротив каждого имени я ставила цифру мужества.

Против няниного имени долго не знала, что поставить. Отец хотя и научил меня уже считать до десяти и рисовать градусники на песке, про ноль еще не говорил. После многих исправлений на песке около имени няни образовалась ямка, и я бы еще долго мучилась, если бы на мой чертеж не упала тень, а прямо перед носом не остановились бы белые лакированные туфли. На секунду я обрадовалась, вспомнив искрящиеся туфли Ангелины, которые всегда точно так же поблескивали на солнце, когда мы с ней пололи грядки с клубникой. Резиновые сапоги в огород надевать она отказывалась, несмотря на угрозы бабушки, что еще раз импортные туфли ей дарить никто не собирается. «Придет ли Ангелина ко мне в родительский день через неделю? Как жаль, что я так и не успела расставить всех моих взрослых в линейку», — с грустью подумала я и задрала голову. Меня ослепило солнцем, и я зажмурилась.

— Ты что же тут делаешь одна? — раздался незнакомый звонкий голос над туфлями. Я открыла глаза и, привыкнув к солнцу, увидела очки в обрамлении желтой косынки. Снизу от очков была улыбка.

У меня мелькнула шальная мысль проверить мое новое открытие, и я спросила «улыбку в косынке»:

— А вы до сколько можете считать? Больше чем до пяти? — спросила я.

Улыбка весело рассмеялась.

— Конечно, могу! А ты?

Я смутилась.

— Пока только до пяти, — врать мне ей почему-то не хотелось. И тут же прибавила: — А вот через год я смогу сосчитать до шести, еще через год — до семи... ой, а сколько вам лет?

— Мне? Двадцать пять, а тебе?

— Значит, вы можете досчитать до двадцати пяти! Ничего себе: сколько у вас мужества! — не ответила я на ее вопрос.

Улыбка села передо мной на корточки. Я слюбопытством заглянула ей в очки. Позади полупрозрачных стекол на меня смотрели в упор раскосые зеленые глаза. «Как у Ангелины, только меньше», — обрадовалась я и вспомнила с досадой, что так и не поставила мою светящуюся тетю на песочный градусник мужества.

— Откуда ты знаешь это слово — «мужество»? Ведь оно только для взрослых. Ты знаешь что оно значит? — очень серьезно спросила Улыбка.

— Знаю и давно, — похвасталась я. Мне ужасно захотелось ей понравиться, как и моей тете. Мне нравилось нравиться Ангелине больше, чем всем остальным.

— Как давно? — ничуть не удивившись, спросила Улыбка.

— Со дня, когда уснул мой дедушка, — тогда моего мужества было только три, но я еще об этом не догадывалась.

— Еще? — удивилась наконец Улыбка.

— Да. Еще. Я тогда не умела считать, да и не нужно было: меня тогда еще не били по... — я осеклась.

— Не били? — Улыбка сняла очки и взяла меня рукой за подбородок.

Боль из живота вдруг опять прыгнула в горло, и я принялась считать до пяти. Удалось: я загнала ее на место — в живот, и соврала:

— Я сказала: не были...

Я знала, что говорить правду про ремень и сетку другим взрослым нельзя. Однажды меня высекали за то, что я объяснила одной бабушкиной дачнице, что крапива растет для того, чтобы ею наказывали по голой попе плохих девочек, когда картошка еще не вся съедена. Глупая дачница обвинила бабушку при всех, что она закармливает меня картошкой. И мне опять «досталось» в тот вечер «за вранье». Высекали сеткой — картошка в тот день как раз кончилась.

Улыбка больше не улыбалась. Я виновато посмотрела на нее. У нее в глазах стояли слезы. Я с облегчением вздохнула: «Она тоже мне один раз уже соврала. Ее мужество меньше чем на десять», — сосчитала я, точно не зная, на сколько двадцать пять больше, чем десять. Не буду ей врать, — пообещала я себе строго, — сосчитаю до шести, но не буду». Я смело посмотрела Улыбке в глаза и улыбнулась.

— А что это такое — мужество? — поинтересовалась она, торопливо надев очки.

— Это то, что надо иметь, чтобы за него держаться, когда нельзя плакать на людях, но когда очень хочется, потому что больно в горле или на попе, — выпалила я.

Зеленые глаза позади очков стали круглыми и очень большими — почти как у мамы. Улыбка, казалось, застыла, а я вспомнила, что точно так же потеряла дар речи, когда догадалась, что про «пять змеёв» мне не поверили. Мне стало ее жалко, и я решила ей помочь:

— Когда мой дедушка лег спать в гроб, моя мама — тогда ее мужество я еще считать не умела — стала рыдать на груди дедушки, который от этого не проснулся. Моя бабушка ей тогда сказала: «Держись, имей мужество, не плачь на людях, — смотри, как крепко держится твоя младшая сестра, — не плачет на людях. Не плачь при ребенке». Ребенок — это я, а сестра мамы — моя лучезарная тетя Ангелина.

Улыбка качнула головой:

— Ну, теперь мне все ясно. А почему она — лучезарная, твоя тетя?

Я смутилась, но, мужественно досчитав до пяти, призналась:

— Это секрет, но я вам скажу, так как один раз я вам уже соврала.

Она снова понимающе кивнула.

— Я никому ничего не скажу.

— Я как-то притворилась в машине, что сплю, и подслушивала. А мой дядя, который появился после того, как дедушка начал спать в гробу, сказал моей тете в машине: «Какая ты у меня лучезарная». Мне так понравилось это слово. Оно очень похоже на мою Ангелину.

— Чем же оно на нее похоже?

— Оно очень солнечное и долгое. Оно длиннее, чем его буквы. Длиннее, чем десять. Ангелина — тоже бесконечная и светится. У нее даже туфли блестят, и она очень стройная и тоненькая, «прозрачная и призрачная», как говорит ее муж Женя. — Я перешла на шепот. — И еще мне часто кажется, когда горит ночник, что она не кончается там, где она кончается. Вокруг нее как тень. Только не серая, как у всех взрослых, а белая. Светящаяся.

— Лучезарная тень? — подсказала мне Улыбка, так сильно улыбаясь, что я успела рассмотреть: у нее тоже нет зуба сбоку. Как и у меня. Она мне понравилась еще больше.

— Ангелина — это твоя родная тетя? А еще у тебя кто-нибудь есть, у кого тень тоже светится?

— Да, моя очень добрая старенькая няня. Только мужества у нее меньше, чем один, в отличие от Ангелины. — Она сразу же плачет, не досчитав и до одного. Но она в школе не училась и считать не умеет. А вы на самом деле до сколько считаете?

— То есть сколько у меня мужества? — сразу поняла меня Улыбка.

Я ликовала: «Значит, я правильно догадалась, и мужество взрослые считают!»

— Больше, чем десять? — нетерпелось мне услышать.

— Гораздо меньше, чем полагается в мои двадцать пять. И гораздо меньше, чем у твоей тети Ангелины.

Это было мое второе в жизни разочарование после «пяти змеёв»:

— Как?! Значит, мужества не прибавляется «на один» каждый год — и я не смогу досчитать до десяти, прикусив губу, когда на людях хочется плакать, но надо держаться? — Я чуть не разревелась от досады, что, оказывается, у взрослых все устроено вовсе не так, как я придумала.

— У кого как: у кого прибавляется, а у кого и убавляется, — грустно сказала Улыбка скорее самой себе, чем мне, и сняла платок. Длинные волосы рассыпались ей на плечи и оказались тоже светло-желтыми.

— Значит, если взрослым одинаково лет, а мужество у них разное? — окончательно сбивая с толку, пыталась я загрузившую Улыбку.

— Да, очень разное, — сказала она застенчиво и принялась разгладывать мой «градусник мужества» на песке. Я заметила, что она сидит рядом со мной на песке, подстелив свой платок под светло-зеленое платье.

— А какое самое большое мужество после десяти? — заглянула я ей в веснушки.

— Оно беспредельно.

— А сколько это?

Веснушки наклонились к моему градуснику и ткнули в десять:

— Это у тебя шкала взрослых? — прочла она «бабушка» рядом с отметкой «десять». — Значит, твоя бабушка никогда не плачет? А няня? Почему не цифра, а ямка?

— Ее я сама начну учить считать и держаться за мужество, — гордо заявила я. — Она чуть что — в слезы. Особенно, когда меня жалост. Ее я буду учить считать с одного.

— С нуля, — поправила меня Улыбка.

— С чего?

— Ты не знаешь про ноль? — удивилась она. — Я тебе сейчас все объясню.

У меня захватило дух:

— Это что — секрет?

— Нет, это еще меньше, чем один. Это ничего. Ты знаешь, что такое «ничего»?

— Да, — серьезно, как и Улыбка, сказала я. — Это когда не нужна крапива, потому что его («ничего») нет в сетке. — И пояснила: — то есть это то, чего нет в сетке, когда не нужна крапива.

Продолжение. Начало на стр. 11

Улыбка пристально на меня посмотрела. Потом она перевела взгляд на мою шкалу, как она почему-то назвала мой песочный градусник, и неожиданно спросила:

— Чем тебя секли — крапивою или сеткой, в которой было «ничего», когда ты первый раз сосчитала свое мужество до пяти, держась за него, чтобы не заплакать в глазах у всех взрослых: у своей жалостливой няни, строгой бабушки и волшебной Ангелины, когда тебе было пять лет? Это было совсем недавно? Да? И неужели никто за тебя не заступился, даже мама?!

Я остолбенела: «Как же это Улыбка догадалась обо всем и про всех?!»

В горле у меня так сдавило, что губу защемило не удалось. Я тщетно пыталась поймать ее зубами, чтобы начать считать и не разреваться. Но губы онемели и не слушались. Тогда я схватилась за запасное мужество: стала загибать пальцы на правой руке по одному и считать про себя «один», «два»...

Мне удалось не всхлипнуть, и я попробовала не дышать «до пяти». Я умудрилась не издать ни звука, но слезы уже предательски жгли обкусанную губу.

Улыбка «с мужеством меньше двадцати пяти» притянула меня к себе, — очень острожно, чтобы не стереть на песке мой «термометр», как называла градусник няни бабушка.

— А ты поплачь, поплачь, — сказала она мне ласковым голосом моей няни. — И я окончательно запуталась в этой загадочной Улыбке, которая знала не только про ноль в сетке, но к тому же самое главное и про меня, и про мою чудесную Ангелину, и про няню. И еще она знала, что бабушка у меня строгая. Но самое невероятное — Улыбка была похожа и на мою лучезарную тетю, и на добрую мою няню с «мужеством в ноль», а глазами напоминала печальную маму.

Уткнувшись в ее ароматные золотые волосы, я тихо всхлипывала. Она молчала и, раскачиваясь вместе со мной, поглаживала меня по волосам.

Мне вспомнились ласковые руки мамы, гладящие меня по голове после порки из-за «пяти змеёв». И звук перелистываемых мамою страниц книги с огромной змеей, обвитой вокруг палки, на обложке. Я закрыла тогда глаза, чтобы не видеть это ядовитое напоминание о причине порки.

(Точно такой же странный символ медицинской науки, по настоянию бабушки, вырезали на плите у подножия могилы Ангелины годами спустя: она, как и мама, была врачом. А около гранитного памятника мама моя посадила тоненькую березку. Она прижилась, и мама ее всегда поглаживала и шептала ей о самом трудном в ее душе. Она была старше своей единственной сестренки на десять лет и любила ее на пятнадцать лет дольше, чем меня. Когда мама лишилась Ангелины, она перестала «чувствовать чувства». И, как однажды призналась мне, лишь помнила об их присутствии...)

Я прижалась теснее к Улыбке. Мне показалось, что знаю ее очень давно, еще даже до порки из-за змеёв. Боль лениво расплзалась по всему телу и спряталась снова в животе.

Улыбка осторожно разогнула по одному мои сжатые пальцы правой руки. Потом она так же разжала мой левый кулак и рассмеялась:

— Смотри, мой маленький герой, ты только что смогла досчитать до десяти, перед тем как расплакаться от боли, когда можно не бояться никого вокруг. Видишь, оказывается у тебя мужества вдвое больше, чем полагается на твои пять лет. И тебе не надо ждать до десяти лет, чтобы дорастить мужество свое до десяти.

«Жаль, что пальцев у меня только десять, а то бы я ей показала еще храбрее», — мелькнула у меня в голове беспоконная мысль, что я ей не понравилась.

Улыбка долго рассматривала мою ладонь и наконец ткнула пальцем в самый ее центр:

— Смотри, какая у тебя необыкновенная ладошка: две разные линии — ума и сердца — слились в одну длинную. Значит, ты думаешь сердцем. — Она серьезно заглянула мне в глаза. — А так бывает редко, только у самых важных и мудрых.

— А у вас тоже так? — я взяла ее за левую руку.

Она повернула ее ладонь вверх и провела пальцем по зигзагу в центре ладони между двумя короткими параллельными линиями.

— Говорят, это знак трудного пути к самому себе: душа и ум ссорятся, а в сердце путаница...

Я ее заверила, что тоже путаюсь в себе постоянно, и она снова повеселела.

— За что тебя наказали тогда? — спросила Улыбка, наклонившись над моим рисунком на песке.

— За то, что заслужила, — повторила я слова мамы. — Никто, кроме Ангелины, мне тогда не поверил. А она одна догадалась. Она все видела на расстоянии и знала правду. И защищала ее тогда. «Стояла за правду», — как сказал «муж Женя».

Улыбка внимательно разглядывала гра-

дусник на песке:

— Посмотри на свою шкалу: я не вижу имени твоей тети. И знаешь, давай начертим новую шкалу и поставим тебя рядом с «десятью», а няню твою напротив «нуля» не будем ставить. Ладно?

Я полностью доверилась Улыбке и начертила новый градусник. Над первой черточкой Улыбка нарисовала кружок.

— Ноль! — догадалась я.

Она чмокнула меня в лоб и дала мне пруттик.

— Поставь десять сама. А завтра я тебя научу считать дальше.

Я нарисовала десять на конце и рассмеялась. Оказывается ноль я уже знала, просто не замечала его в цифре десять!

Улыбка взяла палочку из моих рук и продолжила линию на земле до самого забора, пока та не уперлась в крохотную елочку у калитки.

— Мужество равняется бесконечности? Да? Надо поставить спящую восьмерку! — догадалась я и обрадовалась, что теперь все уже понимаю. Я вывела на песке знак бесконечности, как учил отец, и ткнула пальцем в горизонтальную восьмерку, надеясь еще больше удивить Улыбку.

Она снова присела рядом со мной на корточки и взяла мои руки в свои:

— Ты очень умная и мужественная девочка, как и моя дочурка, — медленно сказала она, взяв мои руки в свои, и вдруг расплакалась.

Я растерялась.

— Вот видишь, мое мужество меньше, чем твое: я не успела досчитать даже до двух, вспомнив мою дочурку, которая год назад стала спать в гробу, как и твой дедушка.

— Не плачьте, Улыбка, — громко сказала я заботливым тоном моей няни. У доброй воспитательницы все еще катились слезы из-под очков. — Скажите, лучше, куда мы с вами поставим мою Ангелину на этой «клаше»?

— Шкале, а не клаше, — поправила она меня и, к моей радости, снова улыбнулась.

— Самое большое мужество — это не бояться правды, а не своей боли или слабости, мой маленький герой. Твоя тетя тебя защищала, потому что верила: ты говорила правду. Понимаешь? Кстати, ты мне так и не сказала: за что же тебя наказали.

— За пять змеёв, то есть змеёв, — призналась я.

— А мне «змеёв» даже больше нравится. Особенно, когда их целых пять. Ведь их было пять, да?

— Там в траве было пять яиц, я хорошо сосчитала, — сказала я правду.

— А может, они были птичьи, а не змеиные?

— Нет, точно змеиные. — Одно яйцо было разбито, и около него извивался малюсенький змеёк...

— Змееныш, — сказала она и заключила: — Ты просто видела то, что еще не случилось. Ведь остальные четыре яйца превратятся в «змеёв» позже. Ты говорила правду, и твою храбрую тетю Ангелину, которая тебя пыталась защитить, мы поставим на шкалу почти рядом с калиткой...

Много лет спустя, когда Ангелины уже не было в живых, я вернулась вместе с Колей и Ромочкой на то место, где мы с Улыбкой размечали наш градусник мужества. Калитка была уже другая, но на прежнем месте.

«Оказывается, Улыбка тоже тогда увидела будущее», — подумала я четыре месяца назад, стоя рядом с забором детского сада и объясняя Ромочке, что «на этом месте» я когда-то была такая же маленькая, как он. Вспомнив свою добрую воспитательницу и первый день в садике, я нагнулась и провела на земле длинную черту — от того забора, где давно-давно было выведено «Ангелина», до самого леса через проселочную дорогу. Там, где линия уперлась в срубленный березовый пенек, я начертила две заглавные буквы — через черточку: «Т» и «А». «Т» — для тети, и «А», — конечно, для Ангелины.

Обе лучезарные, Ангелина и Улыбка одновременно стояли перед глазами, поблескивая на солнце белыми лакированными туфлями. «И это — не совпадение», — я пыталась сосредоточиться на ускользающих догадках и воспоминаниях. Сынишка тянул меня за руку и просил обратного на веранду с «ломбиками», где нас ждал Николай, перегревшийся в то утро на солнце. Возвращаясь на дачу, еле поспевая за своим расторопным мальшом, я вспомнила, что так и не призналась тогда Улыбке в том, что вместо «шкала» нарочно сказала «клаша». Чтобы ее рассмешить и она перестала плакать. Мне так хотелось, чтобы Улыбка улыбнулась...

Жаль, что я тогда не вспомнила, как именно звали мою солнечную воспитательницу, которая в наш первый день знакомства объяснила мне и про ноль, и про мужество. А позже не только научила меня считать до двадцати пяти, но и открыла мне секрет, что случайными совпадения кажутся только тем, кто не умеет видеть то, что еще не случилось.

Елена
Ерофеева-Литвинская
(Москва)

***

Я стала строже и печальней,
Прозрачен контур тонких рук...
Ничто на свете не случайно,
Мой встречный — вечный! — друг.
Я заглянула в ту же бездну,
Где раньше побывал и ты.
Как все стремленья бесполезны
У роковой черты!
Мы — только гости, только тени,
Мы это знаем — ты и я,
Как тщетны тленные хотенья
За гранью бытия.
Нас знание тайное сближает,
Мы оба верим — ты и я:
Всё возвратится на скрижали
И на круги своя.
Мы роли разные играем,
Мы оба знаем — смерти нет,
И кажется забытым раем
И тот, и этот свет.

ГОРИМ

Не гаснет красный свет в окне,
Мы до утра не спим.
Москва в дыму, леса в огне,
Горим, горим, горим!
Примерил город к сентябрю
Рубиновый наряд.
И ты горишь, и я горю,
Как двадцать лет назад.
Стекает золото с берёз,
Пылают буйный клён,
Дыханьем жарким поздних роз
Смертельно опалён.
Пурпурных гордых георгинов
Торжественный парад,
И жертвенная кровь рябин,
И красный виноград.
Зарделось сердце к сентябрю,
В пожаре голова,
И ты горишь, и я горю,
Как рыжая трава.
Вновь вспыхнувшей любви шальной
Охвачены огнём,
В осенней душной тьме ночной
Горим, горим вдвоём.
Не удержаться на краю.
Нам снова повезло
В багряном яблочном раю
Познать добро и зло.
Безумных слов, опасных чар
Огонь неукротим...
В Москве — сентябрь, в окне —
пожар,
Горим.

СЕСТЬ В САМОЛЁТ

Сесть в самолёт и оказаться там,
Где нас любовь на миг соединила,
Где облака бродили по хребтам
Хранителей уснувшего светила.
Сплетались тени в встречном свете фар,
Твое авто — приют любви бездомной...
Нас словно солнечный сразил удар,
И затопило нежностью огромной,
Как океан, в котором утонуть
Казалось нам Божественным подарком,
Седьмого неба приоткрывшим суть,
Нечаянным, блистательным и ярким!
... Увязнут ноги в ледяном песке,
Я к кромке моря подойду поближе.
Зайдётся сердце в горестной тоске:
Зачем я здесь? Тебя я не увижу
Нигде! (Не разрешён второй заход,
Живую воду поглотили льдины...)
Хоть общи глазами небосвод!
Хоть поддержишься за лампу Аладдина!
В дорожной луже радугой — бензин,
Зонты на пляже никнут одиноко...
Пустой отель. Закрытый магазин.
И ни следа, ни знака, ни намёка...

ПРИЗРАК РОЗЫ

Станиславу Исаеву

Ты вспомни, как всё начиналось,
И как это было давно —
Любви драгоценная малость,
Эмоций немое кино.
Земные презрев измеренья,
Взлетаешь, свободен и горд,
Волшебное длится паренье
Над прозой житейских невзгод.
Восторженно зал рукоплещет,
Рождается утренний стих,
И призраки Розы* трепещут
На длинных ресницах моих...
Вершатся иные сюжеты,
Ложатся морщинки у глаз.
Безумная молодость, где ты?
Зачем ты забыла про нас?
Когда на сверкающей сцене
Другие выходят на бис,
Не наши ли прячутся тени
В пыли полумёртвых кулис?
Неправда, мы всё ещё живы,
Хоть срок, нам отмеренный, мал...
Скажи: за морями чужими
Нашёл ли ты то, что искал?
Под мерный прибор океана
И чайки тоскующий крик,
Под звонкий припев фортепьяно
Ты вспомни, хотя бы на миг,
Сквозь времени льды и заносы,
Сквозь мороки и суету,
Как, юный и длинноволосый,
Стоишь на Кузнецком мосту...
А если подступит тревога
И сердце до боли сожмёт,
Мы тихо попросим у Бога
Тот призрачный Розы полёт.

*Призрак Розы — одна из лучших ролей народного артиста России Станислава Исаева, ныне живущего в Америке

ВО СНЕ

Я летала во сне,
Я плыла в облаках,
Пребывая во мне,
Я купалась в веках.
По воздушной реке
От земных берегов
Я плыла налеге
Далеко — далеко.
Словно всё позабыв,
Все тревоги и страх,
Подхватила мотив
У Эоловых арф,
Серебристых высот
Разомкнула засов —
Нет обид и невзгод,
Стрелок нет у часов.
О, свобода! Какой
Упоительный миг!
За лазурной рекой
Есть небесный родник.
Там забвенья ключи,
Вечной жизни секрет...
Я парила в ночи,
Я встречала рассвет.
...Мчит людская река
На трамвайном кругу,
Я смотрю в облака
И взлететь не могу.

СТИХИ КАК МУЗЫКА

Стихи лились, как музыка души,
Подслушанная где-то в поднебесье,
Как шёпот трав в полуденной тиши,
Как утреннего жаворонка песня.
Пронзающие светлые лучи
Невидимого солнца из-за тучи,
Скрипичные, басовые ключи
В своём непостижимом полнотвучье.
Проложена незримая стезя
От полонеза к пламенному скерцо...
Стихи текли, взмывая и скользя,
По стану нотному распахнутого сердца.

ПЕТЕРБУРГ

1.
Моя судьба — поэт и странник,
Ты приведи меня опять
В тот город, где державный всадник
Летит стихию усмирять,
Где ледоход бывает бурным,
Где свод небес иглой пронзён,
Где невским бархатом лазурным
Зал Мариинки наводнён.

2.
...Опять вокруг сырая,
Пронзительная синь.
Венеция вторая!
Российская латынь!
Столица мглы и ветра,
Здесь постигаем мы
Великих геометров
Торжественные сны.